

МАРГАРИТА
АБРАМОВА

ПРОКАЖЕННАЯ БРАК ИЗ ЖАЛОСТИ

Маргарита Абрамова

Прокаженная. Брак из жалости

<https://litres.ru/74204934>

Аннотация

После смерти отца, родственники хотят признать меня ущербной и отобрать все имущество, сослав в пансионат для душевнобольных. Мне срочно нужно выйти замуж, да вот только не так много кандидатов на руку калеки.

| фиктивный брак | отец-одиночка | тайны прошлого | девушка-калека | шрамы не только на теле, но и на душе |

Книга является частью литмоба "Дурнушка"

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	21
ГЛАВА 4	27
ГЛАВА 5	36
ГЛАВА 6	44
ГЛАВА 7	52
ГЛАВА 8	62
ГЛАВА 9	67
ГЛАВА 10	74
ГЛАВА 11	84
ГЛАВА 12	95
ГЛАВА 13	102
ГЛАВА 14	114
Конец ознакомительного фрагмента.	118

ПРОЛОГ

Александра

— Не смейся меня! Кто на нее позарится?!

— Ну, вдруг какой-нибудь старик? Надо признать, что на лицо она не так дурна.

— Она слишком горда и заносчива. Выскочка!

Я находилась за приоткрытой дверью и слушала, как родственники списывают меня со счетов.

Еще не успела принять новость о гибели отца, а они уже делят имущество. Голова шла кругом. Еще неделю назад я ворвалась бы на кухню и высказала все, что о них думаю, но сегодня чувствую лишь подавленность и вину.

— Вчера поверенный вскрыл завещание, — мачеха недовольно вздохнула. — Нам не полагается ничего.

— Но как так? — ее дочь Элиза, которая до недавнего времени была мне подругой, процедила матери в ответ с такой злостью и ненавистью.

— Завещание старое. Новое он не успел написать. Все достается дочери.

Наверняка если бы папа не погиб, то он обязательно переписал бы. Здесь они правы...

— Но есть у нас одна лазейка. До ее магического совершеннолетия, когда она сможет вступить в права наследования, больше года. Мы признаем ее душевнобольной на фоне

полученной травмы. Это не так сложно, она и впрямь не от мира сего... Скажем, лишилась ног и тронулась рассудком.

Я коснулась бесчувственных колен, вцепляясь что есть силы пальцами в кожу и мышцы, но боли не было... На глазах выступили слезы, еле сдержала всхлип, чтобы не выдать своего присутствия.

— Из-за нее я останусь без приданного! Я не хочу замуж за нищего!

— Я все устрою, милая, — успокоила ее мать. — Не волнуйся. К осеннему балу ты будешь одной из самых завидных невест.

— Ты уверена, что это сработает? — Элиза все еще сомневалась, но в ее голосе уже звучала надежда.

— Конечно, — я словно воочию видела, как улыбается мачеха, растягивая губы, накрашенные алой помадой, обнажая белоснежные зубы на запудренных щеках. — У меня есть связи в магическом совете. Достаточно пары подписей и...

Она замолчала, будто почувствовала меня. Я резко отпрянула от двери, сердце бешено колотилось. Они хотят лишиться меня дома и средств.

Но больше всего обжигало душу другое — они были правы.

Отец спас мою репутацию, но не спас себя. Было до сих пор больно вспоминать произошедшее.

И Генри с того дня пропал... Не знала, что и думать. Неужели все то, что сказал о нем отец, правда?! И я наивная

дурочка...

После трагедии, в которой потеряла отца и способность ходить, я действительно стала другой. Раньше я уже ворвалась бы туда с огненной речью, а теперь... теперь я просто боялась.

Но страх — плохой советчик.

Тихо откатилась в свою комнату, закрыла дверь. Я не знала, что мне предпринять.

Может, стоило спокойно поговорить с Минервой и Элизой, сказать, что я готова поделиться частью наследства. Но будет ли им достаточно части? Я понимала, что они злы на меня, но не думала, что они готовы так со мной поступить.

Но что же делать?!

Я плохо разбиралась в правовых делах. Как отец ни желал меня приобщить к семейному делу, душа лежала к иному. Я мечтала открыть свое ателье и с детских лет не выпускала из рук ленты и ножницы.

Отец всегда хотел наследника, но, как они с матушкой ни старались, не вышло. С Минервой, прожив около пяти лет, тоже не получилось. Мачеха, молодая женщина, вдова, никогда не относилась ко мне плохо, хоть и держалась прохладно. В матери не набивалась, а для тринадцатилетней девочки, именно столько было мне, когда она появилась в нашей жизни, именно это было важно. Потеряв мать, никого не приняла бы на ее место, и любые попытки сблизиться я бы воспринимала в штыки.

Время шло, я постепенно привыкла к ней и Элизе. Понимала, что жизнь продолжается и отец не должен хоронить себя вместе с матерью.

Мама сгорела за пару дней. Стремительно и неожиданно... Редкая болезнь забрала ее у нас.

Я сидела у окна, сжимая в руках материнский медальон — единственное, что осталось от нее. За стеклом лил холодный осенний дождь, будто отражая мое состояние.

Что мне делать?

Бежать? Но куда? Я не могла даже ходить, а деньги и документы были под контролем мачехи. Обратиться за помощью? К кому? Друзья отвернулись после трагедии, а Генри... Генри исчез.

Неужели я ему не нужна? Теперь я калека с изуродованной кожей. Повезло, что досталось только спине. Под платьем и не видно...

Единственный способ лишиться опеки мачехи — обзавестись мужем. Станные законы: в наследство вступать мне еще рано, а вот вступать в брак...

Как я могу вступить с кем-то в брак? Я никому не могу доверять... Но, по правде, главной причиной было другое... Я всегда мечтала, что выйду замуж за любимого мужчину...

Я верила, что Генри вернется, все объяснит, а Минерва так не поступит... Она просто зла, обида вскорости пройдет. Но как же я ошибалась...

 Книга пишется в рамках литмоба

"ДУРНУШКА"

<https://litnet.com/shrt/K2zD>

ГЛАВА 1

Александра

— Отпустите меня! Минерва, зачем ты так?! — вцепилась взглядом в мачеху, равнодушно наблюдавшую за тем, как двое крепких мужчин в белых одеяниях подхватили меня под руки, выуживая из инвалидной коляски.

Мачеха воплотила план в реальность и вознамерилась отправить меня в лечебницу для душевнобольных.

— Милая, тебе там обязательно помогут, — она скорчила сочувствующую физиономию, будто я и правда больна, а она очень переживает. Да так натурально, что даже я засомневалась в трезвости своего рассудка. — Побудешь там несколько дней. Врачи понаблюдают за твоим состоянием. Я больше не могу наблюдать, как ты истязашь себя. Совсем не ешь и плохо спишь. Сандра, тебе нужна помощь...

Я бы поверила, если бы не слышала тот разговор.

— Я слышала ваш разговор с Элизой, — призналась в своей осведомленности. — Это все из-за наследства? Забирай, я все подпишу, — ухватилась за последнюю нить.

— Что ты такое говоришь?! — женщина подошла ближе. — Ты же мне как вторая дочь, — она провела нежно по щеке. — Да, я так и не смогла заменить тебе мать, но мы стали подругами. Разве нет?

Я молчала, пытаюсь разглядеть в ее глазах обман.

— Какой разговор ты имеешь в виду?

— Неделю назад на кухне... — я такая дурочка, она ни за что не признается.

— Не было никакого разговора, тебе нужна помощь, милая... — что и следовало ожидать.

— Нет, только не в лечебницу, — я попыталась вырваться, но, конечно, безуспешно, куда мне против таких бугаев.

— Доктор Нервик пытался тебе помочь, но он бессилен.

Меня затолкали в карету с зарешеченными окнами, как преступницу. Запах лекарств и чего-то едкого ударил в нос. Я дергала ручку двери, но та не поддавалась.

— Пожалуйста, я не сумасшедшая! — голос сорвался на крик.

Минерва стояла на крыльце, укутанная в дорогую шаль, и махала мне рукой, словно провожая на прогулку.

Карета тронулась.

Лечебница Святой Евфросиньи оказалась мрачным зданием с высокими стенами и решетками на каждом окне. Меня вытащили из кареты и повезли через длинный коридор.

— Нет, подождите! — я цеплялась за стены, но мужчины лишь крепче сжимали мои руки.

— Пациентка возбуждена. Нужно успокоить, — сказал один из них.

Затем меня привели в маленькую комнату с кроватью, прикованной к полу.

— Раздевайтесь, — приказала медсестра, которой меня

отдали.

— Я не буду...

Она вздохнула и грубыми руками, не спрашивая разрешения, сорвала с меня платье и надела холщовую рубаху.

— Вас осмотрит доктор.

Дверь захлопнулась.

Я не помнила, сколько времени прошло. Может, час. Может, день. В комнате не было часов, а крошечное окошко под потолком пропускало лишь тусклый свет.

Дверь открылась. Вошел мужчина в белом халате.

— Мисс Александра, как ваше самочувствие? — он улыбался, но в глазах не было тепла. — Меня зовут доктор Журк, — представился, усаживаясь рядом на табурет.

— Я не больна! Меня сюда насильно привезли!

— Все пациенты так говорят, — он достал шприц.

Я отползла к стене.

— Нет! Не надо!

— Это поможет вам успокоиться.

Укол был болезненным. Сначала жжение, потом холод, разливающийся по вене.

Мир поплыл.

Я просыпалась в тумане. Голова тяжелая, мысли вязкие.

Где я? Кто я?

Я твердила себе: «Я Александра Рудс, мне восемнадцать лет, я не сумасшедшая...»

Вдруг раздался громкий голос в коридоре. Шаги. Быст-

рые, уверенные пронесли за стеной.

Дверь отворилась, я уже думала, что увижу привычное лицо доктора или медсестры, но в комнату вошел человек, которого я не ожидала здесь увидеть.

— У вас нет разрешения! — вслед за ним забежал и доктор Журк.

Фредерик Демси. Друг отца. Высокий, в черном сюртуке, с темным взглядом.

Мы с ним никогда не ладили, он казался мне высокомерным и заносчивым, слишком умным. Всезнающим и вечно насмехающимся над моей девичьей наивностью и максимализмом.

— Я здесь, чтобы забрать мою невесту, — пророкотал он.

Я часто заморгала, похоже, это бред моего воспаленного воображения и мне уже видится всякое...

Доктор Журк замялся.

— Но... у нее диагноз...

— Диагноз? — Фредерик усмехнулся. — У вас есть пять минут, чтобы собрать ее вещи. Или я вернусь с прокурором.

Я смотрела на него, не веря своим глазам.

Он подошел, наклонился.

— Встать можете? — спросил, пристально рассматривая меня.

— Вы настоящий? — вместо ответа протянула ладонь к его лицу. Его щека под моей ладонью оказалась удивительно реальной — колючая от небритой щетины, теплая, живая.

— Ничего, — его голос стал тише, — я вас вынесу.

Мужчина подхватил меня на руки, я же вцепилась в его шею, прижимаясь к груди.

Приподняла чуть глаза, рассматривая его профиль — резкий, с горбинкой на носу и упрямым подбородком, темные волосы с редкой проседью у висков.

Я втянула воздух носом, и меня окутал его запах. От него пахло свежестью моря, будто вновь обретенной свободой... дубовыми сигарами такие же курил отец, и чем-то сладким, очень похожим на вишневые леденцы, которые я так любила в детстве.

Он нес меня по коридору, и я чувствовала, как его мышцы играют под тонкой шерстью сюртука. Доктор Журк семенил рядом, что-то бормоча о процедурах и документах.

— Вам лучше замолчать, — бросил он угрожающе через плечо, — или я расскажу совету попечителей, как вы «лечите» здоровых девушек морфием.

Журк отстал, прекращая преследование. Испугался угрозы или просто не поспевал за широким размашистым шагом Демси?

Мы вышли во двор. От свежего воздуха закружилась голова. Фредерик усадил меня на мягкое сиденье своей коляски, размещаясь рядом, накрывая пледом мои колени.

За окном проплывали поля. Я вдруг поняла, что не знаю, куда он меня везет.

— Куда мы направляемся? — спросила тихо.

— Ко мне домой. У меня будет к вам предложение, от которого вы не сможете отказаться.

ГЛАВА 2

Александра

Некоторое время назад

Лето.

Жаркое, сладкое, пропитанное ароматом цветущей липы.

Я четвертые сутки не могла подобрать ленты соответствующего цвета для платья Глории, своей лучшей подруги. Вскороности должен был состояться бал, она выступает дебютанткой и должна выглядеть неотразимо.

Тогда ноги еще слушались меня. Я бегала по рыночной площади, разыскивая подходящие материалы.

Рынок, залитый солнцем, шумел, привлекал своей пестротой. Я пробиралась между лотками, разыскивая очередную лавку с лентами. Мои запасы подошли к концу, а новое платье для бала подруги требовало идеального шелка.

Лавка с неброским названием «Игла» притаилась за углом, сразу и не найдешь, если не бывал уже здесь. Я уже знала почти все торговые точки в нашем Эльвиноре, а эту мне недавно посоветовала одна швея. Вот я и решила проверить, все ли так, как она говорила.

Я вошла, позвякивая колокольчиком над дверью. В лавке пахло шелком и сушеными ягодами.

За прилавком обнаружился молодой светловолосый мужчина с голубыми глазами и такими пушистыми ресницами,

что можно улететь, если хлопать ими слишком часто.

— Здравствуйте, мисс, — поздоровался он первым. — Чем могу помочь такой обворожительной девушке?

— Не смейтесь, — я провела пальцами по стопке бархата. — Мне нужна лента. Небесная голубизна, но... с ноткой заката.

Он исчез в подсобке и вернулся с мотком шелка невероятного оттенка между лазурью и бирюзой с золотистым отливом.

— Последний. Привезли из Калькутты.

— Идеально, — протянула руку, но он не отдавал ленту, наши пальцы соприкоснулись, взгляды встретились, я в смущении поспешила отвести свой. Сердце забилося чаще. Не понимаю, что на меня нашло.

В тот день я даже не узнала его имени, а вот спустя неделю молодого мужчины уже не было в этой лавке. Я так расстроилась. Но снова пришла через пару дней.

Выяснилось, что отец Генри приболел, поэтому он отсутствовал и просил знакомого подменить его. Генри. Ему так подходит это имя.

Мы сдружились. Я расспросила о самочувствии его отца. Он за участие пригласил меня выпить чаю вместе с ним.

Мы вели непринужденную беседу, разговорились о пуговицах и всяких мелочах. Впервые мужчине было приятно слушать о моем рукоделии, и он увлеченно слушал об оттенках и размерах, о гармонии и симметрии. Слова текли спо-

койным ручейком, и легкое волнение смешивалось с теплотой в груди, заставляло улыбаться мужчине, а щеки алеть.

— Вы не оскорбитесь, если я приглашу вас прогуляться по набережной? Помогу вам собрать ракушек, из них можно сделать необычные украшения.

Как можно было отказаться?!

Вечернее солнце растворялось в морской глади, превращая горизонт в расплавленное золото. Мы шли по деревянному пирсу, доски под ногами слегка пружинили, пропитанные солёной влагой. Генри то и дело останавливался, подбирая с песка особенно причудливые ракушки.

— Смотрите, — он протянул мне перламутровую ракушку, еще влажную от воды. Как будто кто-то расписал её изнутри акварелью.

Я приняла дар, и наши пальцы снова соприкоснулись. На этот раз я не отдернула руку, позволив прикосновению задержаться на долю секунды дольше приличий.

— Вы часто здесь гуляете? — спросила, чтобы скрыть дрожь в голосе.

— Когда есть время, — он указал на старый маяк вдали. — Когда огни зажигаются, кажется, будто звёзды спустились в воду.

Мы спустились с пирса на песок. Генри неожиданно снял ботинки и закатал брюки.

— Попробуйте, — улыбнулся, указывая на воду. — Песок здесь особенный — тёплый и шелковистый.

Я после мгновения колебания последовала его примеру. Пальцы ног утонули в мягком песке, а прохладная морская вода омывала щиколотки, оставляя кружево пены.

— Нравится? — он смотрел на меня с такой открытой нежностью, что щёки вспыхнули.

— Это... неожиданно приятно.

Мы шли вдоль кромки воды, и Генри рассказывал, как в детстве убегал сюда с уроков. Его голос смешивался с шумом прибоя, а свет фонарей на набережной зажигал золотые искры в его волосах.

— Вот, смотрите, — он внезапно остановился и указал на влажный песок. — Отпечатки наших ног. Ваши такие аккуратные, а мои неуклюжие, как медвежьи.

Я рассмеялась. Ветер с моря играл с моими непослушными локонами, а сердце стучало так громко, что казалось, его должно быть слышно даже над рокотом волн.

— Вы удивительны, — неожиданно сказал он.

— Почему?

— Потому что... — Генри сделал шаг ближе, и в его глазах отражалось всё море целиком, — вы могли бы сидеть в своём особняке, окружённая слугами, а вместо этого бродите босиком по пляжу с простым торговцем.

Я подняла подол платья, чтобы очередная волна не намочила его.

— Может быть, я ищу что-то, чего нет в золотых клетках?

— Вы прекрасны, — проговорил хрипло. — Простите,

Александра, я не должен был это говорить...

— Нет, мне приятно... — встретила с его взором, улыбаясь.

— Правда? Просто кто вы и кто я... Обычный торгаш...

— Генри, разве это имеет значение?

— Ваш отец с вами не согласится.

— Мой батюшка самый чудесный на свете и желает мне счастья, — была уверена, что он одобрит мой выбор и не станет препятствовать, так же как и я в свое время приняла его новую жену.

Мы еще немного погуляли, но, как бы ни хотелось растянуть время, оно неумолимо.

— Мне пора, — Генри печально вздохнул, глядя на зажигающиеся огни города, — отец будет беспокоиться.

Он проводил меня до того места, где начинались фонари и могли появиться знакомые. Перед прощанием Генри неожиданно поднёс мою руку к губам. Его губы были тёплыми и слегка шершавыми от морского ветра.

— До завтра, мисс Рудс.

— До завтра, — прошептала в ответ, хотя знала: завтра меня ждёт скучнейший приём у маркизы де Ламбер.

Но в тот момент, сжимая в кармане подаренную ракушку, я думала только об одном: как бы мне снова оказаться на этом берегу, где пахнет солью, свободой и Генри.

И я сбегала к нему раз за разом. На нашу набережную.

Касания становились увереннее, их становилось недоста-

точно, губы требовали поцелуев.

Я помнила все то, чему меня учили матушка, мачеха и все остальные. Девушке так легко вскружить голову, так просто влюбиться... Надо держаться и не впускать в нее ветер влюбленности, ведь нельзя запятнать репутацию и ни в коем случае нельзя дать повод усомниться в ней.

Я помнила каждое слово, каждое наставление, вбитое в мою голову с детства.

«Репутация девушки тоньше утреннего инея. Одно неосторожное слово, один неверный шаг — и ты навсегда испачкана в глазах света», — говорила матушка, поправляя мой воротничок перед балом.

«Мужчины как сладкий яд. Сначала пьянит, потом убивает», — предупреждала мачеха, наблюдая, как я краснею при виде офицеров на параде.

Но все эти уроки рассыпались в прах, стоило Генри коснуться моих губ.

Оказалось, выполнять все правила очень сложно, когда бабочки заполняют живот своими крылышками, порхают без усталости, бьют в ребра, опутывая внутренности шелковыми нитями, выжигая разум огненными всполохами, когда его пальцы случайно касаются моей талии.

Я решила все рассказать отцу и познакомить его с Генри. Но Генри был уверен, что отец не примет его. Глупый. Но оказалось, что глупа была я...

ГЛАВА 3

Александра

Вечерний чай в гостиной превратился в пытку. Отец, откинувшись в кресле, методично стучал пальцами по подлокотнику, пока прислуга разливала ароматный бергамотовый настой.

— На осеннем балу я представлю тебе лорда Хартвилла и лорда де Врети, — неожиданно произнес он. — Оба достойные кандидатуры.

Фарфоровая чашка дрогнула в моих руках. Чай оставил горький привкус на языке.

Пришло время признаться, тянуть больше нельзя.

— Батюшка, мне нужно сказать вам...

— Если это очередной каприз насчет ателье, после замужества решай это с мужем.

— Я встретила одного молодого человека...

Тишина повисла тяжелым пологом. Даже часы в углу замерли.

Отец медленно поставил свою чашку.

— Кто он?

— Генри Вельспар. Его семья держит лавку тканей на набережной. Я...

— Торговец? — спросил, не дав договорить.

— Да, но... Он хороший человек.

— Александра, — когда отец называл меня полным именем, ничего хорошего ждать не стоило, — дело ведь не в этом.

Отец медленно поднялся из кресла, его тень легла на меня тяжелым покрывалом. В глазах не было гнева, только усталая печаль, словно я в сотый раз повторяла детскую глупость.

— Дорогая моя, — начал он мягко, поправляя перстень с фамильным гербом, — ты думаешь, я против твоего счастья?

Я молчала, сжимая в руках платок.

— Этот... молодой человек, — отец сделал паузу, подбирая слова. — Ты уверена, что знаешь его истинные намерения?

— Он ни разу не...

— Не просил денег? Не интересовался твоим наследством? — папа подошел к камину, где вяло тлели поленья. — Как ты можешь быть уверена, что он не охотник за приданым? Такие, знаешь ли, умеют надевать маску обходительности.

Я вскочила, чувствуя, как жар разливается по щекам:

— Он даже не знает, кто я! Первый месяц вообще думал, что я дочь купца!

— Тем хуже, — отец повернулся, и в его взгляде мелькнуло что-то острое. — Значит, водил тебя по темным углам, не удостоверившись в твоей безопасности?

Это было нечестно. Я стиснула зубы:

— Познакомьтесь с ним. Хоть раз увидите его — и вы поймете...

— Александра, ты последняя из рода Рудсов. Наши предки заключали браки с королевскими домами. Твоя прабабка отказала герцогу Орлеанскому!

Он провел рукой по лицу, смывая маску строгости. На мгновение передо мной был просто усталый мужчина.

— Даже если он ангел во плоти... общество не простит тебе этого выбора. Ты станешь изгоем. Дети твои будут плебейями. Ты хочешь этого?

— Батюшка, я прошу лишь об одном. Взгляните на него. Всего один раз.

Тишина растянулась. В камине треснуло полено, рассыпав искры.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Пригласи его в воскресенье к вечернему чаю.

Генри ждал у старого дуба, где мы обычно встречались. Услышав новость, он побледнел.

— Твой отец... согласился? — не поверил он.

— Да! — схватила его руки, радуясь маленькой победе. — Только, пожалуйста, надень темно-синий фрак. И помни: он ненавидит, когда перебивают.

Генри вдруг крепко обнял меня, так, что кости затрещали.

— Я докажу ему, что достоин тебя.

Но когда он отстранился, в его глазах было что-то странное...

С нетерпением ждала дня их встречи, ведь от этого так много зависело.

В парадной гостиной пахло пчелиным воском и тревогой. Я поправляла складки платья в десятый раз, когда доложили о прибытии Генри.

Он вошел с безупречным поклоном, не хуже любого аристократа. Его темно-синий фрак (точно по моему совету) подчеркивал плечи, а в глазах читалась решимость.

— Граф Рудс, честь для меня...

— Вельспар, — отец поднялся с кресла, позвал Генри в свой кабинет пообщаться наедине.

Но я не стала себя лишать возможности узнать, как проходит беседа, отправилась вслед за ними спустя пять минут.

— ...и вы уверены, что сможете обеспечить мою дочь? — тон отца был далеко от доброжелательного.

— У меня есть планы расширить дело. Через год...

— Через год, — перебил отец, — она будет носить поношенные платья и считать медяки на рынке. И вы придете ко мне.

Я хотела вмешаться, но была замечена мачехой.

— Дорогая, подслушивать нехорошо, — Минерва строго на меня смотрела. — Отец прекрасно разбирается в людях, — «в отличие от тебя», — читалось между слов.

— Минерва...

— Сандра, иди вниз. Отец желает тебе лучшего, и если он посчитает, что этот молодой человек тебе не пара, то тебе

придется принять его решение.

Я была категорически не согласна, но спорить не стала. Если отец обнаружит меня здесь, то будет только хуже.

Вернулась в зал, но ждать пришлось недолго. Генри отцу не понравился. Он ушел весь красный, скупно кивнув мне. Сердце ныло, хотелось броситься за ним.

— Да что вы за снобы такие! — не выдержала, взорвалась, когда отец спустился с мачехой. — Скажи им, Элиза! — но подруга молчала.

— Сандра, этот мезальянс и на ней отразится. С нашей семьей никто не захочет родниться. Ты подумала об Элизе?! Кто женится на ней после такого союза?

— А вы обо мне подумали?! — не желала никого слушать, мне было горько от обиды и несправедливости.

— Иди к себе, — грозно проговорил отец. — Иначе я забуду, что аристократ, и достану ремень...

Лучше бы он забыл об этом, когда разговаривал с Генри.

Я была уверена, что они найдут общий язык.

— Этот парень не так прост, как ты себе представляешь, — сказал отец напоследок, чем только сильнее разозлил меня. Злило, что он прикрывает свой снобизм заботой обо мне.

Следующие два дня мне было запрещено покидать дом, но на третий я под прикрытием посещения храма отправилась в лавку.

— Думал, больше не придешь, — Генри запустил меня в небольшую кладовую.

— Что ты такое говоришь?

— Твой отец решил, что я охотник за приданным... Мне ничего не нужно.

— Я знаю, Генри, знаю. Я что-нибудь придумаю.

— Нет, он никогда не согласится. Мы сбегает. Завтра, — Генри схватил мои руки, покрывая их быстрыми поцелуями. Его глаза горели, я не узнавала его. — Я договорился со священником в соседнем графстве.

— Но...

— Или ты готова отказаться от нас?

— Нет, конечно нет... Просто... Я уговорю отца... Ему нужно немного время...

— Я буду ждать тебя через три дня у часовой башни в квартале от твоего дома...

ГЛАВА 4

Александра

Наше время

Меня клонило в сон от мерной езды кареты, и даже ухабы не помогали находиться в сознании. Я буквально заставляла себя держать глаза открытыми, но веки все равно тяжелели и норовили слипнуться.

— Отдохни, — Фредерик заметил мою борьбу, — ехать еще долго, — и только после его слов я сдалась, закрыла глаза, чуть откидывая голову назад.

Вздрогнула от прикосновения, под щекой оказалось что-то мягкое.

— Тише, это я, — ладонь прошла по спутанным волосам, невесомо поглаживая голову.

Я проснулась от резкого толчка кареты. Голова лежала на чем-то теплом и упругом. Осознание пришло медленно. Это было плечо Фредерика.

— Мы приехали, — его голос прозвучал прямо над ухом, заставив меня окончательно проснуться.

Я резко выпрямилась, смущенно поправляя растрепавшиеся волосы. За окном открылся вид на массивные кованые ворота, за которыми угадывались очертания трехэтажного особняка.

— Ваш... дом? — голос сорвался на хриплый шепот.

Фредерик лишь кивнул, выходя из кареты. Отец давно дружил с этим мужчиной, наверняка не раз бывал в гостях. Мне же не приходилось, хотя папа пару раз звал меня с собой. Демси мне не нравился, и я всякий раз отказывалась.

— Коляску привезут завтра, так что придется пока без нее, — его руки обхватили мою талию с неожиданной бережностью. — Не бойтесь, я не уроню, — в его голосе слышалась тень насмешки, но глаза оставались серьезными.

— Я не боюсь, — щеки вспыхнули, раньше мне помогала Самсона. Служанка была очень крупной и была приставлена ко мне с этой целью.

Трехэтажное здание из темно-серого камня снаружи выглядело хмуро. Быть может, так казалось из-за вечернего освещения. Будь сейчас солнечная погода, и он заиграл бы другими красками.

Во дворе был сильный ветер, он трепал волосы, то и дело падавшие на лицо. Воздух знакомо пах свежестью и солью, что сжималось сердце.

— Здесь недалеко море?

— Да, из окна вашей спальни прекрасный вид на западный берег.

На пороге нас ждал высокий сутуловатый мужчина лет пятидесяти с седыми волосами и с лицом, напоминающим высушенную морскую карту, одетый в строгий черный сюртук с серебряными пуговицами.

— Барт, все готово? — спросил его Демси.

— Да, мистер Демси. Как вы и просили, я подготовил для мисс комнату вашей матери.

— Спасибо, — поблагодарил он, судя по всему, управляющего.

Внутри особняк Демси оказался странным сочетанием роскоши и аскетизма.

Чтобы не думать о нашей вынужденной близости, я рассматривала интерьер. Под ногами мелькала шахматная мозаика из черного мрамора и перламутра.

Мы направились вверх по массивной дубовой лестнице с бронзовыми поручнями простой геометрической формы. В глаза бросалось, что на стенах нет фамильных портретов, и лишь морской пейзаж в строгой черной раме украшал сей интерьер.

Фредерик занес меня в комнату, опуская на широкую кровать с темно-синим балдахином. От простыни пахло свежестью, было заметно, что они только что перестеленные, под пальцами чувствовалась их накрахмаленность.

— Я прикажу Марте вас накормить, а потом мы с вами поговорим.

Кивнула. Слова благодарности застряли в горле, я совсем не ожидала от этого человека помощи. Сейчас было стыдно, что я его недолюбливала. Не раз удивлялась отцу, как он дружит с этим человеком. Но оказалось, что он ценил это знакомство и пришел на помощь дочери своего друга.

Оставшись в одиночестве, осмотрела помещение.

В углу стоял массивный шкаф с резными дверцами, рядом туалетный столик с простым зеркалом.

Створка окна была распахнута, и ветер трепал занавеску. Меня подташнивало, и свежий воздух был как раз кстати.

В дверь постучали, и я поняла, что снова задремала.

— Войдите, — с трудом проговорила, горло царапало и першило, откуда-то взялся непонятный кашель.

Ко мне вошла женщина за шестьдесят, крепкая, как дубовая бочка. Круглое лицо с румяными щеками, седые волосы, собранные в тугий пучок. В ее руках был поднос.

— Добрый вечер. Я Марта, — у нее был странный акцент. — Я принесла вам бульон и горячий чай с сушками, — она поставила поднос на прикроватную тумбочку. — С вами все в порядке? — она окинула мой внешний вид. — Я сообщу хозяину, — не успела я ничего ответить, как она ретировалась.

Я поднесла ложку бульона, в нос ударил куриный навар, и меня затошнило, только и успела перегнуться через кровать...

Было ужасно неловко. Без своей коляски чувствовала себя беспомощной. Руки не слушались и тряслись. Уцепиться не получалось, чтобы добраться до ванной, и я рухнула на пол.

Я лежала на холодном полу, прижав ладонь к дрожащим губам. На ковре расплывалось жёлтое пятно бульона, его запах смешивался с ароматом морского ветра из окна.

Дверь распахнулась с такой силой, что ударилась о стену.

— Чёрт возьми! — Фредерик в два шага оказался рядом, его руки обхватили мои плечи. Я ожидала раздражения, но в его глазах читалась только тревога.

— Простите... я...

Он поднял меня с неожиданной легкостью, словно я весила не больше пуховой подушки.

— Марта! — позвал он громко, но женщина и так была уже здесь. — Присмотри за ней. Я поеду за доктором.

Марта быстро убрала следы моего позора, её натруженные руки переодели меня в свежую ночную рубашку.

— Ничего страшного, дитя, — бормотала она, вытирая мой лоб влажной салфеткой. — Скоро приедет доктор, и тебе полегчает.

К тошноте добавилась сильная головная боль. А также ломило кости, как у старушки Лубье, которая не может разогнуться в дождливую погоду.

Время растянулось, я то проваливалась в забытие, то выныривала на поверхность.

Марта все время не отходила от меня, поглаживала руку и шептала, что осталось совсем чуть-чуть подождать.

Я старалась сдерживать стоны, чтобы не пугать женщину, терпеть.

Не знаю, сколько прошло времени, но наконец в комнате появился доктор Лансбери. Отец всегда вызывал его, когда я болела в детстве.

Его седые бакенбарды взъерошились, когда он увидел ме-

ня.

— Сандра Рудс, — вздохнул он, ставя на тумбочку потерянный кожаный саквояж, — последний раз я вас видел прошлой зимой.

Тогда я сильно простыла и слегла с лихорадкой. Вообще я редко болела и была крепким ребенком. Это теперь я слабая, никчемная калека...

После аварии меня навещал другой доктор. Лансбери был в отпуске, мачеха вызывала специалиста из столицы.

Тёплые пальцы доктора бережно нашли пульс на запястье.

— М-мне просто нужно отлежаться...

— Отлежаться? — он фыркнул, закатывая рукава. — Дитя моё, у тебя классическая морфиновая ломка. Дрожь, тошнота, расширенные зрачки, — он повернулся к Фредерику: — Сколько дней её кололи?

— Не менее недели, — холодно ответил Демси.

Доктор Лансбери достал из саквояжа склянку с мутной жидкостью.

— Выпей, — протянул мне флакон, но мои руки дрожали, и он сам приложил ее к пересохшим губам, заставляя проглотить. — Вырвет ещё разок, зато полегчает.

Горький вкус ударил в нёбо. Я скривилась, но проглотила.

— Теперь слушай, — он наклонился, и его седые брови сомкнулись в одну линию. — Три дня адской тошноты и костной боли. Потом...

— Потом?

— Окончательно придешь в себя.

Три дня? Это же долго... бесконечно долго.

Доктор вздохнул и достал шприц.

— Снотворное. Ты должна отдыхать.

Игла вошла мягко. Веки начали тяжелеть. Последнее, что я слышала, — это разговор Фредерика с доктором:

— Девочка крепкая. Перетерпит.

— В ее положении осложнений не возникнет? — спросил его друг отца.

— Я приду утром третьего дня, проведу осмотр. Тогда смогу сказать что-то конкретнее. Если станет хуже: судороги, сильный жар, то сразу присылайте за мной. В остальном нужно время, чтобы выйти отраве из организма.

Снотворное подействовало, погружая меня в тягучий, беспокойный сон. Но это был не отдых, а очередное испытание.

Я снова в карете. Дождь хлещет по стеклам, ветер завывает. Отец крепко держит мою руку.

— Держись, Сандра! — кричит он, но его голос тонет в грохоте колес и раскатах грома.

Внезапно его глаза расширяются от ужаса. Он толкает меня в угол, прикрывая своим телом.

— Нет!

Древесина трещит, стекла бьются. Ледяная вода обжигает кожу. Я тону, цепляясь за его сюртук, а он выталкивает меня на поверхность, к свету... а сам остается в тем-

ноте.

Я проснулась с криком, залитая холодным потом. Сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди. В горле стоял ком, а по щекам текли слезы. Марта, дремавшая в кресле, встрепенулась.

— Тихо, дитя, тихо... Это всего лишь сон, — она приложила ко лбу прохладную ладонь. — Жар спадает. Держись.

Но сон повторился. Снова и снова. Каждый раз я теряла отца. Каждый раз он жертвовал собой. И каждый раз я просыпалась с ощущением ледяной воды в легких и всепоглощающей вины.

Под вечер второго дня боль стала другой. Острая тошнота отступила, сменившись глубокой ноющей ломотой во всем теле. В ту ночь мне приснился не отец, а мама.

Она стоит у камина в своем любимом голубом платье, улыбается. Пахнет лавандой и свежей выпечкой.

— *Моя девочка, — ее голос такой нежный, такой реальный, — ты должна быть сильной.*

Я тянусь к ней, но она отдаляется, растворяясь в дымке.

— *Не отпускай меня, мама!*

— *Я всегда с тобой...*

Проснулась я не от крика, а от тихого плача. По щекам текли слезы, а в комнате витал едва уловимый аромат лаванды.

Не ожидала, что моя жизнь так круто изменится после совершеннолетия.

Мне казалось, что любовь — это взгляды украдкой, поцелуи в саду и стихи, переписанные в бархатный альбом. Настоящая любовь оказалась иной. Она пахнет больничными стенами и предательством. Она оставляет шрамы не только на теле, но и на душе.

Я верила, что семья — это нерушимая крепость. Что ма- чеха, пусть и не родная кровь, не пожелает мне зла. Что отец... отец вечен. Крепость рухнула, стоило мне сделать шаг за ее пределы.

Все вокруг твердили, что взрослая жизнь — это тяжело. Не представляла, что настолько. Только ты все имел, а одно неверное решение запускает череду событий. И уже ничего нельзя изменить...

ГЛАВА 5

Александра

Марта вошла с лечебным взваром. Ее морщинистое лицо было безмятежным.

— Вы сегодня лучше выглядите, мисс.

— Это потому, что я, наконец, стала видеть вещи такими, какие они есть, — хрипло ответила.

Она вздохнула, поправляя одеяло:

— Молодость всегда учится на шишках. Я своего первого мужа тоже за принца принимала. А он оказался конюхом с дурными долгами.

— И что вы сделали?

— Вышла замуж за второго. Умного пекаря, — она подмигнула. — Ошибки, они как волны. Одни разбиваются о тебя, другие несут вперед. Главное — не дать себе утонуть, — поделилась женщина житейской мудростью.

Я смотрела на ее натруженные руки, на спокойную мудрость во взгляде. Возможно, взрослость — это не про баллы и наряды. Это про то, чтобы научиться подниматься после каждого падения.

Сегодня я действительно чувствовала себя лучше, тошнота полностью отпустила, а головная боль притупилась. Осталась легкая, тянущая виски мигрень. В сравнении с прошлыми днями — прекрасное состояние.

— Марта...

— Да, дитя?

— Принесите мне зеркало.

В тусклом стекле на меня смотрела незнакомая девушка с впалыми щеками, темными кругами под глазами, с потухшим взглядом. Девушка, которая растеряна и не знает, что будет дальше.

Зеркало не лгало. Передо мной была тень прежней Александры — бледная, исхудавшая, с глазами, в которых плескались боль и потрясение.

— Если вам лучше, то хозяин будет ждать вас в столовой. Или же принесу обед сюда, — предложила женщина.

— Не нужно. Спасибо, Марта, — пора приходить в себя. Фредерик, если это не мои фантазии, хотел поговорить. — Но сначала ванна. Пожалуйста.

Взгляд Марты выражал легкое беспокойство, но она лишь кивнула и вышла распорядиться.

На помощь женщине пришла младшая горничная, которую звали Кора.

Кора и Марта вдвоём перенесли меня в ванную комнату. Их сильные руки бережно опустили меня в теплую воду, пахнущую лавандой. Я закрыла глаза, позволяя аромату окутать себя, смывая остатки больничной вони и памяти о морфиновом кошмаре.

А когда я закончила процедуры и обернулась в мягкий халат, женщины помогли мне вернуться в спальню.

На кровати ждал сюрприз — три новых платья, разложенных на шелковом покрывале.

— Мистер Демси распорядился, — робко сказала Кора.

Платья были простыми, но из дорогих тканей, идеально скроенными. Ни кружев, ни вышивки, только чистая линия и качественный материал.

Я выбрала темно-синее шерстяное. Его высокий воротник скрывал худобу, а свободный покрой был удобен для сидячего положения.

В дверь постучали. На пороге стоял Фредерик.

— Александра, — кивнул он, — рад видеть вас в здравом уме. Доктор сообщил, что вынужден задержаться и прибудет ближе к вечеру.

— Спасибо вам... — столько всего хотелось сказать. Даже не знала, с чего начать.

— Сначала обед, а все разговоры потом.

Фредерик подошел, взял меня на руки и отнес в столовую, где у окна уже стояла моя коляска. Последний месяц я ее ненавидела, но сейчас была рада видеть — хоть смогу перемещаться самостоятельно. На руках у хозяина жутко неловко. Нет, руки у него крепкие и надежные, но до этого меня носил только отец, и то в детстве.

Столовая встретила нас тишиной и ароматом запеченной рыбы с травами. Фредерик усадил меня в коляску, подвинув её к столу с той же практичной аккуратностью.

Вдруг дверь распахнулась, и на пороге появилась малень-

кая девочка с тёмными глазами и взъерошенными каштановыми кудрями. Она сразу же уставилась на меня без тени смущения, что даже не сразу заметила за её спиной молодую женщину, судя по всему, присматривающую за ней.

Фредерик вздохнул, но не выглядел раздражённым.

— Виктория, я же просил тебя не врываться как ураган. Тем более когда у нас гости.

— Но она не гость! — девочка прищурилась, очень напоминая мужчину, сидящего рядом. — Гости приезжают в каретах, а её принесли!

Я почувствовала, как кровь ударила в лицо. Фредерик нахмурился.

— Виктория, это мисс Рудс. Александра, эта некультурная девочка — моя дочь.

— Простите, мистер Демси, — вмешалась в наш разговор девушка, — но это просто невозможно.

Девочка не слушала, словно речь шла не о ней. Она подошла ближе ко мне и с детским безжалостным любопытством ткнула пальчиком в колесо моей коляски.

— Почему ты на колёсиках? Ты сломалась?

— Виктория! — голос Фредерика стал стальным. — Немедленно займи свое место.

Девочка надула губы, её взгляд скользнул по моим неподвижным ногам. И в нём читалось не столько злорадство, сколько... подозрение. Словно я была опасной игрушкой, которую принесли в её дом.

Она разместилась за столом, игнорируя свою гувернантку, которая явно хотела ей что-то сказать.

— Тебе больно? — спросила она, внезапно перебивая тишину.

— Нет, — честно ответила я. — Не больно. Просто... не слушаются.

Ребенку было отвечать нетрудно, не было привычной злости, когда касаются этой темы.

Девочка обдумывала мои слова, ковыряя вилкой рыбу.

— Моя мама тоже не ходила, — неожиданно сказала она, и её голосок внезапно дрогнул, — перед тем как умереть. Она всё время лежала.

— Виктория! — ахнула гувернантка.

В воздухе повисла тяжёлая пауза. Фредерик замер, его лицо стало каменным.

— А почему у тебя нет своей няни? — как ни в чем не бывало продолжила девочка. — Мама всегда говорила, что у леди должны быть няни или гувернантки.

Мисс Клэр побледнела. Фредерик отложил вилку.

— Дочка, мисс Рудс — взрослая девушка. Ей не нужна няня, — разъяснил он девочке.

— Но она же сломалась! — настаивала Виктория. — Кто будет её носить?

В этот момент мисс Клэр поднялась, откашлявшись.

— Мистер Демси... Мне нужно поговорить с вами, — мужчина перевел свое внимание на нее. — Я вынуждена уй-

ти. Неважно себя чувствую...

— Опять? — в его голосе прозвучала усталая горечь.

— Девочке нужна... особая забота, — мисс Клэр бросила на Викторию взгляд, полный упрёка, — а у меня здоровье...

Фредерик молча кивнул, его пальцы сжали салфетку так, что костяшки побелели.

Виктория наблюдала за этой сценой со странным взрослым пониманием. Когда гувернантка вышла, она прошептала:

— Она всё врёт. Просто я ей не нравлюсь.

Тень пробежала по его лицу.

— Это уже третья гувернантка за год.

Дочь нахмурилась.

Обед продолжился в напряжённой тишине, нарушаемой только звоном приборов. Виктория украдкой изучала меня, а я — её. В её колючести угадывались детская боль, страх быть брошенной.

Когда подали десерт, девочка отодвинула от себя вишневое пирожное.

— Не хочу, — надула губки-бантики, насупившись, как воробушек в дождливую погоду.

— Ты же любишь вишню, — обратился к ней отец.

— Вкусно, — я тоже любила вишню, специально отправила ложечку лакомства в рот, чтобы девочка не удержалась. Но она, наоборот, зло посмотрела на меня, словно я ее давний враг. К ней и правда трудно найти подход.

Фредерик вздохнул и нежно коснулся её волос.

— Мы найдём другую, — распознал, в чем причина бунтарства.

— Не надо! — девочка вдруг расплакалась. — Все они уходят! Всегда!

Она сползла со стула и убежала, хлопнув дверью.

Фредерик закрыл глаза. Весь аристократизм слетел с его лица, и сейчас он был уставшим отцом, беспомощным перед горем дочери.

— Прошу прощения за мою дочь, — наконец произнёс он, и его голос был ровным, но напряжённым. — Она... с трудом принимает новых людей, а гувернантки не задерживаются.

— Она потеряла мать, — тихо сказала я. — Ей больно. И она боится... потерять и вас.

Он резко поднял на меня глаза. В его взгляде мелькнуло что-то неуловимое. Удивление? Мне прекрасно известно чувство утраты. Когда не стало мамы, мне казалось, что у меня забрали частичку души. Знала, что уже ничего не будет прежним, ведь ближе человека не может быть. Столько вечеров было выплакано, сколько дней я была замкнутой и скрытной, держала печаль в себе, ни с кем не делясь. А я была намного старше Виктории. Девочка — совсем ребенок, который пережил такую утрату. Это не могло на ней не отразиться.

— Да, — коротко кивнул он. — Она боится.

— Не знала, что у вас есть дочь, — сорвалось с уст, я при-

кусила губу, ведь это нетактично с моей стороны.

Я никогда специально не узнавала биографию друга отца. Но папа никогда не рассказывал, что весьма странно. Да и про брак не слышала. Всегда думала, что Демси холостяк. Так что факт того, что он вдовец с маленьким ребенком, стал для меня неожиданностью.

— Виктория — сложный ребенок, — прервал мои мысли.
— Но я хотел бы поговорить о другом. Если вы доели, то предпочел бы обсудить все в моем кабинете. Вы себя хорошо чувствуете? Способны к разговору?

— Да, конечно, — пирожное было действительно вкусным, но я убрала его в сторону. Сладкого не хотелось, организм с удовольствием принял горячий суп, и этого было вполне достаточно.

ГЛАВА 6

Александра

Фредерик отвёз меня в свой кабинет — просторное помещение с видом на море.

Он поставил мою коляску у стола, сам занял место в удобном кожаном кресле. Его движения были точными, без лишней суеты.

Здесь не было ни намёка на роскошь, но всё дышало деловой эффективностью и порядком.

Центр комнаты занимал большой практичный дубовый стол, заваленный коносаменами и морскими картами.

На стенах закреплены схемы маршрутов и расписание кораблей в простых деревянных рамах.

На полках шкафов аккуратно разместились учётные книги и пресс-папье из корабельного железа.

У окна стоял большой глобус с отмеченными торговыми путями. Точно такой же, как у отца. Захотелось провести по нему пальцем. Когда-то я мечтала, что отправлюсь в кругосветное путешествие, и мысленно прокладывала свой путь. Казалось, это было так давно... Мечты, планы... Все изменилось, и пора выбросить глупости из головы, а думать о скором будущем.

В помещении стоял запах свежей бумаги, морской соли и хорошего табака, который тоже напоминал об отце. Я по-

никла, вспоминая, почему оказалась здесь, в доме его друга. Даже будучи не живым, он косвенно помог мне. Ведь не води он дружбу с этим человеком, я до сих пор бы находилась в лечебнице, потеряв не только способность ходить, но и здраво мыслить. Я зажмурилась, отгоняя образ доктора Журка, колющего мне «лекарства», от которых становилось дурно. Страшно представить, что было бы, не заberi меня Фредерик оттуда.

— Вы наверняка осведомлены, чем я занимаюсь? — проговорил, разглаживая рукой кипу документов.

— Отец говорил, что у вас крупная транспортная компания, — ответила я, с трудом скрывая лёгкую нервозность. Остаться с ним наедине было... непривычно.

Чувствовалось, что он здесь хозяин и заполнял своей аурой всю комнату. А еще он так смотрел... Я была словно лишняя, непонятно каким образом оказавшаяся тут и не подходящая этому месту.

— Вы знаете, почему ваш отец доверял мне?

Я покачала головой, чувствуя, как напрягается каждый мускул.

— Вы дружили.

— Мужская дружба проверяется на прочность годами и делами. Важно вовремя принимать решения и не подводить тех, кто от тебя зависит. Я привык решать проблемы, — его взгляд упал на мою коляску. — Как вашу, например.

Мужчина достал из ящика пергамент с гербовой печатью.

— До вашего магического совершеннолетия осталось тринадцать месяцев. Минерва не остановится, — он положил документ передо мной. — Есть только один способ защитить вас.

Я пробежалась глазами по тексту.

«Брачный контракт».

С ним?! Я несколько раз пробежалась глазами по тексту, чтобы убедиться, что я все правильно поняла.

— Фиктивный брак? — прошептала.

— Юридически полноценный, — его глаза стали холодными, как сталь. — Вы становитесь моей женой. Я — вашим опекуном и защитником. После вступления в наследство, когда вам исполнится полных двадцать лет, — развод и свобода.

Сердце заколотилось. Это было слишком... неожиданно.

Да, я понимала, что обезопасить меня может только муж. Минерва с Эльзой как раз переживали по этому поводу. Женщины боялись, что потеряют все, если я поспешу и обзаведусь супругом. Только я не понимала, где я могу найти человека, которому могу доверять.

— Почему? — выдохнула я. — Зачем это вам?

Он медленно поднялся, подошёл к окну. Спина его была прямой, но напряженной.

— Я многим обязан вашему отцу, — мужчина обернулся. — Он один не отвернулся от меня в трудные времена, — по лицу Фредерика пробежала тень от тяжелых воспоминаний.

— Таким образом, отплачу ему, — в его глазах горел странный огонь. — И этому дому не помешает хозяйка. Хотя и на время.

В его словах прозвучала произвольная боль. Боль одинокого отца, чья дочь нуждается в любви и заботе.

— Виктория... — начала я.

— Виктория не ваша забота, — резко оборвал он.

Я посмотрела на свои неподвижные ноги. На документ, что мог спасти меня. На этого холодного, надменного мужчину, в которого он вновь превратился. Таким он мне и запомнился. И таким он никогда мне не нравился.

— Решайте. Готовы ли вы, Александра, стать на год госпожой Демси?

Казалось, он сейчас усмехнется и скажет, что пошутил. Ведь разве может быть по-настоящему, что друг отца делает мне предложение руки и сердца?! С сердцем — спорно. Только руки, фиктивный союз, но все же... Да, я понимала, что это только для того, чтобы помочь мне, но все равно не укладывалось в голове. Представляю, как сейчас выгляжу: перепуганная, с хлопающими ресницами, не верящая в происходящее.

Я точно не в лечебнице?! Быть может, это действие препаратов?..

Как бы ни хотела найти поводы усомниться в реальности, похоже, все взаправду.

Я мало что знала о фиктивных браках. Лишь то, что это

не так просто. Фиктивный брак, заключенный до совершеннолетия с целью обхода опеки, может быть оспорен в суде справедливости. Если Минерва докажет, что брак ненастоящий, его аннулируют, а меня объявят недееспособной и вернут под ее опеку.

Брак, заключенный до моего магического совершеннолетия, будет регулироваться особым «Законом о защите наследников». Расторгнуть его можно будет только после моего двадцатилетия и никак не раньше. Я буду юридически привязана к мужчине на все эти месяцы.

Наверняка есть еще множество нюансов относительно прав на имущество сторон.

Фредерик пристально смотрел и ждал моего ответа. От его взгляда пробежали холодные мурашки. Стало неловко, в груди возникли непонятная тревога и смятение.

— Я могу подумать? — тихо спросила пересохшими губами. Но в комнате стояла звенящая тишина, что и шепот казался оглушительным.

Он сжал губы, словно я разочаровала его. И мне даже стало стыдно за свои слова, за трусость. А я именно что трусила. Не знаю, чего я боялась. Вверить свою судьбу малознакомому мужчине. Ведь по факту я о нем ничего не знала. Даже то, что у него есть дочь!

— Впустите меня! — дверь с грохотом распахнулась, и в проеме появилась мачеха. Ее пытался остановить Барт, но она оттолкнула мужчину, врываясь в кабинет.

— Демси! — завопила она так, что я поморщилась, чуть ли не закрывая уши руками от неприятного тона. — Что вы себе позволяете?!

А вот Фредерик при ее появлении остался таким же собранным и невозмутимым, ни один мускул на лице не дрогнул. Мне бы его самообладание. Я же вся сжалась. И впрямь трусиха. Стало противно от себя самой. Куда делась вся моя бывшая решительность?!

— Сандра, девочка моя, — бросилась она ко мне, — ты в порядке? — упала на колени, ошеломляя меня, заглядывая в мое лицо. Минерва выглядела такой обеспокоенной, под глазами залегли темные круги, будто она не спала несколько ночей.

Оказывается, слугу Демси остановил страж. Минерва пришла не одна, а привела с собой блюстителя правопорядка. Мужчина в синей форме молча наблюдал и не вмешивался.

Если бы я могла ходить, то точно отшатнулась бы от нее, а лучше убежала как можно дальше, вспоминая, на что она меня обрекла.

— Что такое? — мачеха будто не понимала, почему я не рада ее видеть.

Мне было так плохо эти дни, возвращаться в лечебницу я точно не собираюсь.

— Как только узнала, что ты здесь и он забрал тебя, пыталась прорваться к тебе, — я покосилась на Фредерика, чтобы

убедиться в правдивости ее слов. — Но он меня не пускал к тебе, — по мужчине нельзя было ничего понять. Почему он ничего не сказал об этом?

— Ты подумал о ее репутации? — зашипела она на мужчину. — Ричард бы пришел в ярость от твоих действий! Одна в доме холостого мужчины. Подумать только!

— Уж лучше здесь, чем в сумасшедшем доме, — резко ответил ей.

— Ты не имеешь никакого права вмешиваться! Я ее законный опекун и хочу для нее только хорошего! — она принялась наглаживать мои колени.

— Поэтому уpekла в больницу, где ее накачивали лекарствами? Чтобы на это сказал Ричард? — голос Фредерика окрасился злой иронией.

— Ричард согласился бы со мной. Думаешь, мне легко было это сделать? Но ей совсем плохо стало. Она стала слышать и видеть то, чего не было. Что, прикажешь мне за этим спокойно наблюдать?!

— Не устраивай представление. Мы знаем, для чего ты тут изображаешь любящую мамочку.

— Бред! Всегда говорила Ричарду, чтобы не общался с тобой. Милая, — обратилась ко мне, — он тебя не обидел? Я отрицательно покачала головой, находясь в шоке.

— Этот человек — дьявол во плоти! Тебе же он никогда не нравился. Ты же сама говорила, что Демси отвратительный тип.

Если мне до этого было стыдно, то сейчас я была готова провалиться сквозь пол вместе с коляской.

Фредерик помог мне, вызволил из лечебницы, пригласил врача и предлагает помощь. Вдруг после слов мачехи он передумает?! Боялась поднять голову и столкнуться с ним взглядом. Ведь я правда раньше могла сказать что-то в этом духе. Зачем она так?! Это нечестно!

ГЛАВА 7

Александра

— Я ее забираю. Сейчас же! — голос Минервы звенел, как натянутая струна. Она метнулась к стражнику, хватая его за рукав: — Господин Валье, умоляю, проявите сострадание! Эта девушка больна, она не отдает себе отчет в своих действиях! Ей нужна медицинская помощь, а не... не это уединение с неженатым мужчиной!

Стражник, человек с усталым лицом и протокольным выражением глаз, неуверенно сделал шаг вперед. Его долг — предотвращать скандалы, а не усугублять их.

— Девушка останется здесь, — голос Фредерика прозвучал негромко, но с такой железной уверенностью, что стражник замер на месте. Демси не повышал тон, однако каждое его слово было обнесено невидимой стеной авторитета. — Она находится под моей защитой и под крышей моего дома по собственному желанию.

— У тебя нет никаких прав держать ее здесь! — лицо Минервы исказилось гримасой гнева и отчаяния. Она обращалась к Фредерику, но всем видом пыталась воздействовать на стражника. — Она моя падчерица! Я ее законная опекунша!

— Александра здесь по своей воле. Она моя невеста и никуда не уедет, — Фредерик оставался леденяще спокоен. Он стоял, слегка прислонившись к краю стола. Его поза была

расслабленной, но глаза, холодные и острые, приковывали к себе внимание.

Он не передумал, услышав, как я отзывалась о нем мачехе?

— Что за бред?! — Минерва фыркнула, но в ее глазах мелькнула тень неуверенности. — Она не может принять предложение без моего ведома! Она недееспособна!

— Этого и не требуется, — парировал Фредерик. — Ее покойный отец, мой друг Ричард Рудс, заключил со мной соглашение о помолвке еще до своей безвременной кончины. Я просто исполняю волю усопшего.

— Это ложь! Чистейшей воды ложь! — она почти закричала. — Ричард сказал бы мне о таком!

Фредерик развел руками, всем своим видом показывая, что устал от этой суеты и не намерен перед кем-либо оправдываться.

— Покажи документ! — потребовала Минерва, ее пальцы судорожно сжали сумочку. — Если это правда, где доказательства? Где твое соглашение, Демси?

Мужчина молча подошел к столу и выудил из верхнего ящика аккуратно сложенный лист плотной дорогой бумаги. Он не стал протягивать его Минерве, а передал стражнику.

— Что там? — Минерва вскочила, выхватывая документ из рук ошеломленного Валье, ее глаза жадно пробежали по строчкам.

Я же сидела, вжавшись в спинку коляски, еле живая от пе-

реизбытка эмоций. Дышала прерывисто, сердце колотилось где-то в горле. Неужели это правда? Помолвка? Но почему отец скрывал это? Он же с таким энтузиазмом подбирал мне других женихов

— Ты же... ты же не приняла его предложение? — Минерва оторвалась от документа и уставилась на меня. Взгляд ее был колючим, полным злобы, но затем ее выражение лица смягчилось, стало жалобным, почти умоляющим. — Милая, ты имеешь полное право отказать ему. Ты не обязана подчиняться воле отца, пусть даже и посмертной.

— Он просто воспользуется твоим состоянием, милая.

— А ты? — вырвалось у меня, голос мой звучал хрипло и неуверенно. — Разве не ты хотела отобрать у меня все, упрятав в лечебницу?

— Вот ты снова, — она покачала головой с видом глубоко огорченной матери. — Я никогда не желала тебе зла. Даже после смерти Ричарда... — она сделала паузу, давая словам проникнуть в самое сердце. — Оставь нас наедине, — неожиданно попросила она Фредерика. — Пожалуйста. Позволь мне поговорить с ней без посторонних.

Фредерик медленно перевел взгляд на меня, вопрошая. Я, все еще ошеломленная, кивнула. Он вышел, уводя с собой и стражника. Дверь закрылась.

— Да, — начала Минерва, как только мы остались одни. Она опустилась на колени перед моей коляской, чтобы быть на одном уровне со мной, — я была вначале очень зла на те-

бя. Признаю. Мне казалось, ты отняла у меня мужа. Но потом я поняла, что ты не виновата в случившемся... — на ее глазах проступили искренние на вид слезы. — Это просто злой рок... Проклятие, тяготеющее над нашей семьей. Небеса забрали у меня мужа, а у тебя отца... Но мы не должны отдаляться друг от друга. Мы должны быть вместе в горе. Он бы сильно расстроился, увидев такие отношения между нами...

Я поджала губы, чувствуя, как внутри меня борются два чувства: леденящий ужас перед ее ложью и старая глубокая привязанность к женщине, которая когда-то была почти матерью. Как же больно было это слушать. Как же хотелось, чтобы это была правда, обняться с ней и плакать вместе. Но это означало бы признать себя сумасшедшей, поверить, что все, что я видела и слышала, — бред. А это было не так.

Я замотала головой, отворачиваясь, не собираясь поддаваться на ее сладкие речи.

— Ты думаешь, что Демси — просто рыцарь на белом коне, который явился спасти тебя из чистого благородства души? — ее голос снова стал жестким, ядовитым.

— Он друг отца, — упрямо повторила я.

— Эта бумага — подделка, — она с силой ткнула пальцем в документ. — Я не знаю, как он это провернул, но это фальшивка. Они с отцом сильно поругались. Ты же наверняка заметила, что он не появлялся у нас дома в последний месяц?

Я напрягла память, пытаюсь вспомнить, когда видела Фре-

дерика в последний раз до похорон. И с ужасом поняла, что она права. Я не могла припомнить его в нашем доме в те последние недели. Отчетливо помнила лишь его визит на женский день. Мужчинам принято было в этот праздник одаривать женщин цветами, а он заявился с пустыми руками. Я, смеясь, упрекнула его в забывчивости, а он съязвил что-то обидное в ответ. Что-то о том, что настоящий мужчина дарит цветы только той женщине, к которой испытывает настоящие чувства, а не распыляется на всех подряд. Его слова тогда меня задели, и я надулась на него. Больше он не приходил.

— Ему нужны твои деньги, Александра. Деньги твоего отца, — ее шепот стал пронзительным и зловещим. — Демси на грани разорения. Его дела в полном упадке. Не веришь мне — спроси у него самого об этом. Прямо в лицо спроси. Уверена, он начнет юлить и лгать.

Я сглотнула вязкий ком страха и неопределенности, не понимая уже, чему и кому верить. Воздух в кабинете стал густым и тяжелым, давящим. Слова Минервы повисли между нами, ядовитые и точные. Каждое попадало в цель, сея леденящий ужас сомнения.

— Он на грани разорения, Александра, — повторила она, и ее голос дрогнул с идеально пронзительной искренностью, — его флот терпит чудовищные убытки. Два корабля затонули в прошлом месяце в шторм, грузы были застрахованы лишь частично. Еще один арестован в порту Калькутты за

неуплату пошлин и томится под замком. Он отчаянно нуждается в твоём приданом, вливаниях твоего капитала, чтобы спасти своё дело от полного краха. Он не спаситель, детка. Он — кредитор, пришедший за долгом, который твой отец с него списал.

— Лучше остаться без наследства, чем провести остаток жизни в лечебнице для душевнобольных, — сорвался с языка горький упрек.

Я провела в том заведении всего неделю, и этого было достаточно, чтобы понять: больше ни за что туда не вернусь. И пусть за это мне и придётся заплатить все средства, что у меня имеются.

— Дурочка! — фыркнула женщина, хватая меня за ладони. — Ты подумала о сестре?! — попыталась достучаться другим способом, давя на жалость. — О себе я молчу... Ты оставишь её без гроша и отдашь все этому проходимцу?

— Минерва, я приму предложение мистера Демси, — сказала твердо. Она меня не переубедит.

— Одумайся, Сандра. Хорошо, — её голос стал ещё мягче, обволакивающим, как медовая патока, — забудь о больнице, — использовала последний козырь: то, из-за чего все началось. — Я больше не буду настаивать. Давай просто вернемся домой.

— Я не верю тебе...

Заглянула ей в глаза и поняла, что все делаю правильно.

— Думаю, я предоставил вам достаточно времени для

приватной беседы, — дверь распахнулась, являя нам хозяйина кабинета. — У меня, к сожалению, нет столько свободного времени, да и господину Валье, полагаю, надоело подпира-
ть стены в коридоре.

Мужчина бросил на меня быстрый оценивающий взгляд, и на этот раз я не отвела свой, встречая его глаза прямо и открыто, показывая всем своим видом, что колебания окончены и я готова подписать этот судьбоносный брачный договор.

Он почти незаметно кивнул, без слов понимая мое решение. Его строгое замкнутое лицо на мгновение смягчилось.

— Я это так не оставлю, — Минерва встала в полный рост, отходя от меня. — Ты еще пожалеешь, — зло прошипела она в лицо мужчине.

— Ты мне угрожаешь при страже? — усмехнулся Фредерик.

— А ты еще вспомнишь мои слова, — перевела взгляд на меня. — Этот мужчина растопчет тебя и выбросит.

Слушать такие злые речи было больно.

Не думала, что наши отношения с женщиной закончатся на такой ноте.

Она ушла, оставляя после себя аромат горечи. Он пах ванилью и розами, любимыми духами мачехи.

— Простите... — вырвалось у меня, как только мы остались вновь одни. Я сама не знала, за что извиняюсь в первую очередь: за слова, брошенные в прошлом, или за свое ны-

нешнее раздумье. Оно выглядело глупо и нерационально. Но так сложно принять происходящее до конца. Не верилось, что Минерва способна на такие гадости. Женщина, которая была рядом столько лет.

Но, помимо обиды, я чувствовала давящую, удушающую вину перед ней... Из-за меня отца не стало. Она сказала, что больше не злится, но я видела неподдельную боль в ее глазах, когда она говорила об этом...

Как простить такое человеку? Это не просто проступок, за который можно извиниться. Это со мной до конца жизни. Эту боль не стереть и не выкинуть из сердца.

Все говорят, нужно время...

В такие моменты самобичевания и жалости к себе мне хотелось сдаться. Ведь это нечестно. Я должна быть наказана, а просто продолжаю жить дальше. Несчастный случай... Но если бы я тогда не сбежала, все было иначе.

Все мы совершаем ошибки. Но мою не исправить.

— Право слово, не надо извинений, — Фредерик сел в свое кресло, закидывая ногу на ногу, сцепляю кисти рук на столе. — Я не бронзовая статуя, чтобы нравиться всем и каждому, — щеки покраснели, все равно стыдно за свои прошлые высказывания. — Так вы согласны?

— Да, — кивнула, прикусывая губу до боли, стараясь подавить дрожь в голосе. — Если вы сами не передумали после всего услышанного.

— Разочароваться можно только в близком человеке. А

мы с вами таковыми не являлись. Но раз вы принимаете мое предложение, то с этого дня буду просить от вас быть со мной предельно честной.

Кивнула, принимая его условия.

— Предать может только тот, кого подпустил близко.

Мужчина был абсолютно прав. Самые близкие причиняют боль сильнее прочих. Мои мысли сразу же обратились к Генри. К его улыбке, к его обещаниям... Не думать о нем. Только не сейчас.

— Если хотите что-то спросить, спрашивайте, — его голос вернул меня в реальность.

— Нет, — совесть и какое-то смутное чувство такта не позволяли задать прямые вопросы о его финансовом благосостоянии. Да и в глубине души я понимала, что это уже не имело никакого значения. Мой выбор был сделан.

— Тогда завтра утром придет мой поверенный. Мы все детально обсудим и скрепим договор подписями.

— Хорошо. Доброй ночи, — я развернула коляску и направилась к выходу, чувствуя страшную усталость, навалившуюся на меня после этой эмоциональной бури.

— Доброй, — он проговорил устало, почти машинально. Я обернулась на пороге и заметила, как его рука тянется к хрустальному бокалу.

— Скажите... Соглашение о помолвке... Оно настоящее? — я все же хотела знать правду, касавшуюся моего отца и меня самой.

Он замедлил движение, его пальцы замерли на стекле. Он посмотрел на меня прямо, без утайки.

— Нет. Это фальшивка...

— Хорошо, — повторилась, принимая его честность.

— Минерве не удастся это доказать, так как подпись настоящая. У меня имелся пустой бланк с его подписью. Я не успел его использовать в тот день... Но нам все же лучше поторопиться и как можно скорее заключить союз.

ГЛАВА 8

Александра

Долго не могла сомкнуть глаз. После таких-то событий приход врача пролетел совсем незаметно и практически сразу вылетел из памяти, ведь мысли были совсем о другом.

Неужели это правда и я приняла предложение Фредерика Демси и вскорости стану его супругой?!

Александра Демси. Ни за что бы не подумала, что придется примерить эту фамилию.

Я лежала и смотрела в потолок, в голове крутились слова мачехи о том, что он ужасный человек. Хотелось выглядеть храброй, но, по правде, страшно отдаваться во власть мужчины. Старалась верить в лучшее, ведь у нас фиктивный брак. Фредерик — друг отца и не сделает мне ничего плохого. Но ведь и Минерва когда-то была почти матерью...

Мы будем жить каждый своей жизнью, не вмешиваясь в дела друг друга. По крайней мере, я на это надеялась.

Я перебралась в инвалидную коляску, которая стояла у кровати как вечное напоминание о моей новой урезанной реальности, и подкатила ее к окну. За стеклом бушевало море, его темные воды сливались с ночным небом, и лишь белые гребешки пены выхватывались из мрака при свете луны. Этот вид одновременно пугал и завораживал.

— У вас все в порядке? Я услышала шум и пришла про-

верить, — в дверь осторожно заглянула Марта. Ее доброе морщинистое лицо выражало искреннее беспокойство.

— Все хорошо. Просто не спится, — пожаловалась ей на бессонницу. — Слишком много всего произошло за день.

— Я принесу теплого молока с медом, — предложила она сразу же. — Отлично успокаивает нервы.

— Не стоит утруждаться. Уже поздно, — попыталась отказать, не желая быть обузой.

— Мне не сложно, — она махнула рукой, уже разворачиваясь к выходу. — Я сама мучаюсь без сна, теперь мне хватает трех-четырех часов. С возрастом привыкаешь. Да и не так часто в этом доме гостят.

Она ушла, а я осталась сидеть в тишине, прислушиваясь к скрипу половиц под ее удаляющимися шагами и далекому рокоту прибоя.

Теплое молоко с медом действительно немного успокоило перегруженные нервы. Я поставила пустую кружку на прикроватный столик и снова устроилась в постели, пытаюсь прогнать навязчивые мысли. Комната тонула в полумраке, освещенная лишь лунным светом из окна, который отбрасывал на пол причудливые узоры.

Я уже начала дремать, когда услышала едва заметный скрип половицы у двери. Дверь приоткрылась бесшумно, и в щель проскользнула маленькая тень. Виктория.

Она замерла на мгновение, прислушиваясь к моему дыханию. Потом на цыпочках подкралась к туалетному столику.

В ее руке что-то блеснуло, очень похожее на ножницы.

Я прикрыла глаза, притворяясь спящей, но следила за ней через ресницы. Девочка с явным злым умыслом потянулась к одному из новых платьев, висевших на стуле, — к нежно-розовому, шелковому.

— Не советую, — тихо сказала я, не двигаясь.

Виктория вздрогнула так, что чуть не выронила ножницы. Она резко обернулась, ее глаза в полумраке широко блестели, как у пойманного зверька.

— Я... я ничего, — она попыталась спрятать руку за спину.

— Собиралась «ничего» сделать с моим платьем? — я приподнялась на локте. — Разрезать?

Она надула губы, ее лицо стало колючим и закрытым.

— Оно все равно уродливое.

— Возможно, — я пожала плечами, — но оно мое. И портить чужие вещи — очень подло и низко.

— Папа передумает на тебе жениться, если ты будешь некрасивой и в дырявых платьях! — выпалила она.

Похоже, девочка подслушала наш разговор о замужестве и восприняла кандидатуру возможной мачехи в штыки. Никогда не думала, что я и сама могу стать когда-то мачехой.

— Подслушивать под дверьми нехорошо и некрасиво, — заметила я как можно мягче.

— Я не специально! — вспыхнула она. — Просто... про-

сто тут совсем нечего делать, а все взрослые всегда о чем-то шепчутся!

В ее голосе было столько обиды, что я решила сменить тактику.

— Что ты любишь делать, Виктория? — спросила ее, откидываясь на подушки. — Когда не подслушиваешь и не портишь чужие наряды?

Она смирила меня подозрительным изучающим взглядом, затем пожала плечами, делая вид, что ей совершенно неинтересен этот разговор.

— Ничего. Скучно тут. Одни и те же игрушки, одни и те же книги...

— А я, например, обожаю шить, — сказала я мягко. — Создавать платья. Придумывать фасоны. Вот это, — я кивнула на то самое розовое платье, — я бы переделала. Добавила бы кружева на рукава, может быть, вышила бисером у горловины.

Виктория невольно бросила взгляд на платье, ее любопытство пересилило желание казаться равнодушной.

— У меня есть сундук с лентами, кружевами, бусинами, — продолжила я, — его скоро привезут. Если хочешь, можем посмотреть вместе. Может, сошьем что-нибудь для твоей куклы?

— У меня нет кукол, — буркнула она, но уже без прежней агрессии. — Они для маленьких и глупых девочек. А я уже почти большая.

— Тогда для тебя. Хочешь, сошьем тебе платье? Настоящее. Какое сама захочешь.

Она с недоверием посмотрела на меня.

— Правда? Сама придумаю?

— Правда, — кивнула я. — Только пообещай больше не портить вещи, даже если они тебе очень не нравятся. Лучше скажи прямо, что не нравится и почему.

Она потопталась на месте, раздумывая.

— Ладно, — наконец сдалась она. — А какое... какое платье мы сошьем?

— А какое ты хочешь? — я улыбнулась.

— Синее! — выпалила она неожиданно. — Как море! И чтобы блестело!

— Синее и блестящее, — кивнула я. — Это можно устроить.

Она постояла еще мгновение, как бы желая что-то добавить, потом кивнула сама себе и так же бесшумно, как и появилась, скользнула обратно в темный коридор, оставив дверь приоткрытой.

Фредерику не понравилось, когда я спросила о его дочери. Но не игнорировать же девочку целый год. Я не собираюсь становиться ей матерью, но мы можем вполне подружиться.

ГЛАВА 9

Александра

К утру погода окончательно испортилась. За окном лил сплошной стеной холодный осенний дождь, а в море бушевал настоящий шторм. Свинцовые волны с ревом разбивались о скалы, и брызги долетали даже до окон второго этажа. Ветер выл в щелях старых рам, и весь дом наполнялся его жутковатым завыванием. Было зябко и сыро, и мне не хотелось выбираться из-под теплого одеяла, словно оно было последним укрытием от суровой реальности.

Но в дверь снова постучала Марта, на этот раз с более деловитым видом.

— Мисс, пора вставать. Завтрак подан. Мистер Демси ждет в столовой, — она заглянула в комнату. — Давайте-ка я помогу вам собраться.

Я машинально дернулась, чтобы встать, как делала это тысячи раз. Но мое тело предательски не отреагировало. Острая знакомая боль от осознания своей беспомощности кольнула под сердцем. Когда же я окончательно привыкну, что ноги меня больше не слушаются?!

— Что такое, дитя? — Марта сразу заметила изменение на моем лице, ее брови сдвинулись от беспокойства. — Вам плохо? Болит что-то?

Я заставила себя улыбнуться, отгоняя прочь мрачные

мысли. Жаловаться и сетовать на жизнь не имеет смысла, от этого ничего не изменится. Я уже прошла через это.

Первые недели после аварии я только и делала, что плакала. Сначала оплакивала отца, горюя о его страшной и нелепой смерти. Потом не могла смириться с тем, что стала калекой, беспомощной, нуждающейся в посторонней помощи для каждого своего шага. Каждое утро начиналось с тихого ужаса и отчаяния.

Но слезы высохли. Их сменила холодная, тяжелая решимость. Решимость выжить. Решимость не быть сломленной ради отца, чтобы его смерть не была напрасной.

— Ничего, Марта, все в порядке. Просто задумалась, — я постаралась, чтобы голос звучал ровно. — Давайте собираться. Не хочется заставлять мистера Демси ждать.

Марта с практичной аккуратностью помогла мне умыться, сменить ночную рубашку на простое шерстяное платье темно-зеленого цвета. Ее руки были твердыми и уверенными, движения — быстрыми и не доставляющими лишних неудобств. Она, казалось, чувствовала мое смущение и делала все, чтобы его уменьшить.

— Вот и красавица, — одобрительно сказала она, поправив складки на моих плечах. — Понимаю, что вам непривычно у нас. Мистер Демси бывает резок, но вы не бойтесь его. Он строгий, но справедливый.

Она отвезла меня в столовую. Фредерик уже сидел во главе длинного дубового стола, полностью погруженный в чте-

ние утренней почты. Он был безупречно одет в темный, идеально сидящий по фигуре костюм, и на его замкнутом аристократичном лице не было ни следа вчерашней усталости или каких-либо эмоций. Только привычная непроницаемая деловая маска.

— Доброе утро, Александра, — он поднял на меня свой пронзительный взгляд, едва заметным движением подбородка указав на место слева от себя. — Надеюсь, вы хорошо отдохнули.

— Доброе утро, — ответила, подкатывая к указанному месту. — Да, спасибо.

Завтрак проходил в почти полной тишине, нарушаемой лишь звоном приборов и шумом шторма за окном. Я украдкой наблюдала за ним. Казалось, он был полностью сосредоточен на документах.

— Мой поверенный приедет после полудня, несмотря на непогоду, — сказал он, откладывая в сторону пачку писем и обращаясь ко мне. — Мы все обсудим и подпишем необходимые документы. Вас это устраивает?

— Да, конечно, — кивнула, чувствуя, как подступает нервная дрожь, которую я старалась подавить. — Я готова.

— Хорошо, — он отпил глоток черного кофе. — И, Александра... — он сделал небольшую паузу, его пальцы слегка постучали по столу, — ваши вещи из поместья Рудсов привезут, скорее всего, только завтра. Виной тому испортившаяся погода и размытые дороги. Если вам помимо вашего гар-

дероба потребуется еще что-то конкретное, то я немедленно распоряжусь, чтобы их приобрели и доставили.

Я вспомнила о своем ночном разговоре с Викторией, о данном ей обещании, но язык сразу же будто онемел. Стоило ли говорить об этом ее отцу? Вчера он достаточно четко дал понять, что хочет видеть меня открытой и честной с ним, но в той же беседе столь же четко очертил границы, попросив не вмешиваться в дела дочери. Эта двойственность заставляла меня внутренне сжиматься и теряться. Поэтому и не знала, как правильно поступить.

— Я... я бы хотела в ближайшее время посетить тканевый рынок, — начала осторожно, подбирая слова, — приобрести новые материалы. Хотела бы заняться делом, чтобы не сидеть сложа руки, а заняться шитьем.

— Я распоряжусь, чтобы вам приобрели все необходимое, — он ответил немедленно, даже не отрываясь от просмотра очередного документа. — Просто составьте подробный список, и мои люди все доставят.

— Нет, вы не совсем поняли, — покачала головой, чувствуя, как нарастает легкое раздражение. — Я бы желала выбрать все лично. Я всегда отбираю ткани, нити, кружева и ленты самостоятельно, полагаясь на тактильные ощущения и интуицию... — запнулась, встретившись с его взглядом, и отчего-то смутилась.

— Не думаю, что это хорошая идея, учитывая ваше состояние.

— Мое состояние? — во рту пересохло, а ладони задрожали.

— Да, — опустил пояснения, невероятно зля. — Я не могу вас сопровождать. Эту неделю я слишком занят.

— Можно попросить кого-то из слуг сопроводить меня, — не сдавалась, чувствуя, как внутри закипает непонятный упрямый протест.

— Это неразумно и преждевременно, — отрезал мужчина, и в его тоне зазвучало легкое, но заметное раздражение. — Они еще не обучены в должной мере заботиться о вас в городской суете. Думаю, мы отложим этот вопрос на неделю-другую. Более того, я бы хотел предварительно пригласить сюда одного специалиста, чтобы он...

— Я бы настаивала... — почему-то меня задел его категоричный отказ, что даже не стала слушать о его специалисте, не спрашивая подробнее, хотя это было наверняка важнее моего похода на рынок.

Взгляд Фредерика потяжелел, даже у отца он был более светлый. Или просто я знала, как с ним общаться, а тут...

— Отчего такая внезапная и неуместная спешка, Александра? — его голос соответствовал тяжелому стальному взгляду. — Не из-за того ли, что вы надеетесь встретить на рынке... определенного человека?

— Что?! — щеки стали пунцовыми. — Нет! Конечно нет! — Фредерик точно имел в виду Генри! Его вопрос застал меня врасплох, я совершенно не ожидала подобного.

— Я прекрасно понимаю, что у нас запланирован брак сугубо формальный, фиктивный, — он продолжал холодно, отчеканивая каждое слово, — но я бы хотел, чтобы, даже будучи моей номинальной женой, вы не портили репутацию ни себе, ни мне, ни этому дому. Слухи распространяются быстро, что может повлиять на достоверность заключенного союза, чем может воспользоваться Минерва.

— Все абсолютно не так, как вы думаете! — ответила я, собрав все свое самообладание в кулак и стараясь говорить максимально твердо и убедительно, чтобы он не усомнился в моих словах.

Он изучающе смотрел на меня несколько томительных секунд, его пальцы все также ритмично барабанили по столу.

— Хорошо, — наконец произнес он, и напряжение немного спало. — Тогда я готов предложить вам компромисс. Если вам так уж необходимо лично выбрать материалы, вы можете поехать сегодня со мной на мое предприятие на склад. Уверяю вас, наши ткани ничуть не уступают, а во многом и превосходят по качеству товары местных конкурентов. Вы сможете выбрать все, что посчитаете нужным, под надежным присмотром.

Я молчала, закусив губу. Мы еще не успели даже заключить союз, а он уже ограничивает мою свободу. Умом я понимала, что ничего такого, но во мне проснулись непонятная упертость и бунтарство. Мне захотелось спорить, доказывать, что я еще что-то могу решать сама.

Я медленно выдохнула, заставляя себя успокоиться. Я вспомнила, что так было всегда, когда мы с Фредериком сталкивались в прошлом. Именно эта его манера — безапелляционная, подавляющая, — и заставляла меня испытывать к нему неприязнь. Но сейчас ситуация была иной.

Сейчас мне нужно быть благодарной ему и научиться гасить эти эмоциональные вспышки в его адрес. Мы были слишком разными, но нам предстояло прожить под одной крышей целый год. И начинать эту жизнь с конфликта из-за такой ерунды было верхом глупости.

— Хорошо, — сдавленно произнесла, опуская глаза и смиряясь, хоть это и стоило мне немалых усилий. — Я принимаю ваше предложение. Поездки на ваш склад... будет вполне достаточно. Спасибо.

ГЛАВА 10

Александра

Это было так стыдно. Стыд пожирал меня изнутри, горький и едкий. Я прекрасно знала, что виновата.

Тогда мне казалось, что любовь выше всего, она способна оправдать все и вся. Что она важнее условностей, важнее мнения отца, важнее здравого смысла. Генри был моим лучиком света. Я верила в его искренность и чувства, считая, что отец заблуждается на его счет. А теперь эти воспоминания жгли меня, как раскаленное железо.

Так тяжело было даже допускать эти мысли, не то что говорить о них вслух. Но оказалось, что услышать о своем легкомыслии и ошибке от другого человека — от того, кто видел последствия, — было в тысячу раз больше.

Я подкатила коляску к окну. Дождь не утихал. Море было скрыто пеленой воды и тумана. Идеально подходящая погода к моему настроению.

Я была в своей комнате и ждала поверенного. Сегодня мы заключим брачный договор.

В дверь постучали. Вошел Барт.

— Мисс Рудс, поверенный прибыл. Мистер Демси просит вас в библиотеку.

Сердце ушло в пятки. Вот и все. Точка невозврата.

Библиотека оказалась самой теплой комнатой в доме.

Здесь пахло старыми книгами, кожей и кофе. Фредерик стоял у камина, беседуя с немолодым подтянутым мужчиной в безупречном костюме — мистером Эктором, его поверенным.

— Александра, — кивнул Фредерик, его лицо было невозмутимым, будто утреннего раздора и не было, — это мистер Эктор. Он все объяснит.

Документ лежал на столе. Толстый, в кожаном переплете.

— Мисс Рудс, — начал поверенный вежливым безличным тоном, — контракт составлен в соответствии со всеми нормами магического и светского права. Так как вы являетесь магически несовершеннолетней, то на основании соглашения вашего покойного батюшки и мистера Демси мы сегодня заключим брачный договор, расторгнуть который вы сможете самостоятельно только при достижении вами двадцати лет. Вы это понимаете?

— Да, — кивнула.

— Хорошо. Тогда продолжим.

Он взял паузу, отслеживая мою реакцию.

— Вы понимаете, что вашим опекуном становится мистер Демси? Он будет распоряжаться вашим имуществом и будет принимать решения относительно вас. Иначе законом этот брак может быть расценен как обход опеки.

Я внимала каждому его слову, но ужасно волновалась, боясь что-то не понять.

— Мистер Демси мне поведал вашу ситуацию, но усло-

вия, которые он мне озвучил, оспорит любой адвокат в суде и вернет вас под опеку миссис Рудс.

Я посмотрела на Фредерика, мысленно вопрошая, о чем говорит его поверенный.

— Не беспокойтесь, Александра, — голос Фредерика прозвучал спокойно, — наши договоренности остаются неизменными. Но мы вынесем пункты касаясь вашего наследства в дополнительное соглашение. А основной договор будет стандартный, так как мы должны сделать этот союз абсолютно безупречным с юридической точки зрения. Никаких упоминаний о временном характере или особых условиях.

Мистер Эктор одобрительно кивнул, поправляя очки.

— Совершенно верно, — подтвердил поверенный. — Брачный контракт должен быть составлен как для обычного супружеского союза между двумя знатными домами.

Почувствовала, как холодеют пальцы. Понимала, что это правильно. И я же сама решила для себя, что доверяю Фредерику с имуществом, несмотря на слова мачехи.

— Минерва не сможет оспорить... — сказала еле слышно.

— Именно поэтому все должно быть безупречно, — голос Фредерика стал жестким. — Магический совет не сможет признать брак недействительным, если будут соблюдены все формальности. А мы их соблюдаем.

— Хорошо. Но я попрошу вас внести кое-что относительно содержания Минервы и Элизы.

— Что именно? — спросил Фредерик.

— Я бы хотела, чтобы им выплачивалось ежемесячное пособие из моего наследства, — не хотела оставлять женщин ни с чем. Отец бы так не поступил. Они были женаты столько лет, он любил эту женщину. Это нечестно. Да, они обошлись со мной мерзко, но не хотелось уподобляться им.

— Вы уверены? — переспросил мистер Эктор.

— Да.

— Внесите пункты, — дал добро Фредерик, хоть по лицу видела, что он не особо доволен этим фактом.

— Какую сумму указать?

— Стандартную... не знаю, — пожала плечами. — Чтобы хватило на нормальное проживание.

Эктор посмотрел на Фредерика, ожидая от него конкретики. Тот написал на листе сумму и протянул мужчине.

— Как будет угодно, — перо скрипело по бумаге, выводя сложные юридические формулировки, поверенный методично прописывал правки, добавляя их в договор. — Что-то еще?

— Это все, — у меня не было больше пожеланий.

— Тогда ознакомьтесь и распишитесь на каждой странице. На последней странице, — сказал поверенный, протягивая мне перо, — вы должны собственноручно написать: «Вступаю в брак по доброй воле, без принуждения и принимаю все условия данного договора».

— Но... после совершеннолетия... развод?.. — прошептала я, заглядывая в глаза Фредерику.

— После совершеннолетия — да, — кивнул Фредерик. — Но до тех пор вы моя законная жена во всех смыслах этого слова. Это единственный способ защитить вас.

— Хорошо, — выдохнула. — Я согласна, — сердце бешено колотилось.

Я взяла перо. Рука дрожала, но я вывела каждое слово четко и разборчиво.

Фредерик подписался рядом. Его подпись была такой же уверенной и четкой.

— Поздравляю, — мистер Эктор засвидетельствовал подписи магической печатью. Синий свет на мгновение озарил комнату, — брак заключен. Расторгнуть его можно будет только через суд Магического совета после достижения вами двадцатилетия.

Затем он протянул нам дополнительное соглашение, в котором Демси отказывается от любых претензий на мое состояние — как текущее, так и будущее. Его мы тоже подписали.

Мистер Эктор собрал бумаги, поклонился и вышел.

Мы остались одни. Только тиканье часов, треск поленьев в камине и шум дождя за окном.

Фредерик подошел к столу, взглянул на мою последнюю, еще не просохшую подпись.

— Вы сделали правильный выбор, — произнес он на удивление тихо.

— А у меня был выбор? — вырвалось у меня, и я тут же пожалела.

Он посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то сложное.

— Всегда есть выбор, Александра. Просто некоторые варианты хуже других.

Он прав.

— В эти выходные мы должны провести церемонию бракосочетания и провести званый вечер, как того требует этикет.

— Это обязательно?

— Боюсь, что да.

В прошлом я наивно мечтала о настоящей большой свадьбе. Потом, с Генри, я уже согласилась бы довольствоваться полутемным старым храмом для тайного венчания. Лишь бы быть с ним рядом, лишь бы чувствовать его руку в своей.

Я всегда так ясно представляла себе свое подвенечное платье. Не просто красивое, а особенное, уникальное. Сшитое моими руками из нежнейшего шелка цвета слоновой кости, расшитое мельчайшим перламутровым жемчугом, прикасаясь к которому, пальцы ощущали бы прохладу и изысканную текстуру.

Я мечтала, как отец, гордый и немного грустный, ведет меня к алтарю и торжественно передает мою руку жениху — тому, кого я сама выбрала и полюбила всем сердцем.

Ничего из этого не будет. Никогда.

А сейчас, в этой новой, искалеченной реальности, я бы предпочла и вовсе обойтись без всякой церемонии. Просто

поставить подписи на бумаге, чисто формально, без лишних глаз и напоминаний о том, чего я лишилась. Так что новость о необходимости публичной, пусть и скромной церемонии стала для меня неприятной и горькой неожиданностью.

— Я сам не сторонник пышных мероприятий и ненужной суеты, — сказал Фредерик, словно угадал мои мысли. Его голос был ровным, без эмоций, — но ради легитимности и чтобы закрыть рты всем возможным сплетникам, придется этот день потерпеть. Один день.

— Понимаю, — старалась, чтобы мой голос не выдал разочарования и внутренней дрожи. Я смотрела в окно на хлещущий дождь, чтобы не встречаться с ним глазами.

— Все организационные хлопоты беру на себя, — продолжил он, — вам останется только выбрать подходящий наряд. Если не хотите заниматься и этим... — он слегка замялся, — ...я попрошу подобрать в салоне готовое платье, соответствующее случаю.

— Не стоит утруждаться, — пусть это и фарс, но... — С платьем... я справлюсь сама.

— Как вам угодно, — кивнул, не настаивая. — Если потребуется помощь или что-то дополнительное — ткани, аксессуары, — сразу сообщайте.

Я лишь молча кивнула, глотая комок в горле. Я пока даже не начала осмысливать главное. Что с этой самой секунды мы официально стали мужем и женой. Не то что заниматься подбором гардероба или планированием этого спектакля.

Мой мозг отказывался принимать эту реальность.

Фредерик Демси — мой муж. Подумать только!

Этот холодный, закрытый, насмешливый мужчина, который всегда меня раздражал. Теперь он мой супруг.

Я подняла на него взгляд — осторожный, изучающий. Он стоял, опершись о каминную полку, его профиль был резким и нечитаемым в полумраке комнаты.

— Что такое? — мужчина почувствовал мой взгляд и обернулся. Его глаза встретились с моими.

— Ничего, — поспешила отвести взор, чувствуя, как щеки покрываются румянцем. — Когда мы планируем поехать в город на склад?

— Сразу после обеда, если, конечно, погода немного улучшится, — он также перевел разговор на деловые рельсы, за что я была ему благодарна.

— Тогда я начну собираться, — поспешила к себе в комнату.

По правде говоря, переодеться для поездки — дело пяти минут. Мне просто отчаянно хотелось поскорее остаться одной. Осадить нахлынувшие чувства. Перевести дух. Осознать.

Заперев за собой дверь, я откатилась к центру комнаты и замерла, глядя на свои дрожащие руки.

Мамочки. Неужели я действительно только что подписала все эти документы? Поставила свою подпись под согласием стать женой человека, которого почти не знаю? Все уже слу-

чилось. Начинается моя новая жизнь. С чужими людьми. В чужом доме, где я номинально хозяйка.

Обед подали в небольшой столовой, где камин отгонял сырость непогоды. Виктория уже сидела на своем месте, болтая ногами и ковыряя вилкой в тарелке. Она бросила на меня быстрый подозрительный взгляд, когда я подкатила к столу.

Мы ели молча, под аккомпанемент дождя по стеклу. Напряжение висело в воздухе густым туманом. Фредерик, казалось, был полностью поглощен своими мыслями, но я заметила, как его взгляд время от времени останавливался то на мне, то на дочери.

Когда подали десерт — яблочный штрудель с ванильным соусом, он откашлялся, положил прибор и обратился к Виктории:

— Викки, мне нужно тебе кое-что сказать.

Девочка насторожилась, словно почуяв неладное. Ее глаза сузились.

— Мисс Рудс... Александра... согласилась стать моей женой. Мы поженимся на следующей неделе.

Тишина, повисшая после этих слов, была оглушительной. Виктория замерла с поднесенной ко рту ложкой, ее глаза расширились, наполнились неподдельным ужасом от предательства.

— Нет... — прошептала она, отодвигая тарелку. — Нет, папа! Ты же обещал! Ты сказал, что мама...

— Викки, — его голос прозвучал твердо, — это необхо-

димо.

— Нет! — она вскочила, слезы уже текли по ее щекам, оставляя блестящие дорожки. — Она не моя мама!

Девочка выбежала из комнаты, громко хлопнув дверью. Эхо ее шагов затихло в коридоре.

Я сидела, сжимая салфетку на коленях, чувствуя себя ужасно неловко и виновато. Фредерик не двигался, его лицо было каменной маской, но я видела, как сжались его пальцы на столе. Он помогает дочери друга, вредя при этом своей...

— Простите, — прошептала. — Может, следовало ей рассказать, что это все не по-настоящему? — меньше всего я желала приносить разногласия между отцом и дочерью. Виктории сейчас и так непросто приходится.

— Вам не за что извиняться, — он отпил воды, его движения были резкими. — Она должна была узнать. Я с ней еще поговорю, но лучше, чтобы до церемонии она не знала никаких подробностей, — похоже, он боялся, что ребенок может кому-то проговориться. — Готовы к поездке? Погода, кажется, немного улучшилась.

Я кивнула, еще не в силах говорить. У подъезда нас уже ожидал экипаж. Молчание между нами было тяжелым, наполненным невысказанными мыслями и детскими слезами, все еще витавшими в воздухе.

ГЛАВА 11

Александра

Дорога до складов прошла в тишине. Я смотрела на проплывающие за окном улицы города, на мокрые от дождя мостовые и спешащих прохожих.

Меня не отпускали мысли о Виктории.

Ее реакция была не просто капризом. Это был крик души, полный боли и страха потерять последнее, что у нее осталось, — отца. Я видела себя в ней. Ту самую девочку, которая потеряла мать и цеплялась за отца, как за спасательный круг.

Она смотрела на меня как на угрозу. Как на ту, кто пришел занять место ее матери, стереть память о ней. И самое ужасное, что я понимала ее.

Я вспомнила ее слова: «Ты же обещал! Ты сказал, что мама...»

Что он обещал? Что мама вернется? Или что он никогда не женится снова? Фредерик, казалось, был не из тех, кто раздает пустые обещания. И теперь его дочь чувствовала себя преданной.

А я чувствовала себя виноватой еще и в этом. Я стала камнем преткновения между отцом и дочерью. И ради чего? Ради моего спасения?

Я украдкой взглянула на Фредерика. Он смотрел в окно,

но я видела, как напряжена его челюсть, как сжата в кулак его ладонь. Мужчина тоже переживал. Возможно, даже больше, чем показывал. Но его молчание и сдержанность лишь отдаляли его от дочери, создавая между ними все большую пропасть.

Непременно нужно поговорить с ней, успокоить, даже если Фредерик против.

Да, опасно сообщать, что брак — все лишь формальность, но стоит попытаться объяснить, что я не претендую на место ее матери. Что нам не нужно быть врагами, мы можем просто подружиться. Для начала следует сдержать свое обещание — сшить для нее платье, показать, как это делается, заинтересовать и переключить девочку на другое.

Экипаж резко повернул, и в окне мелькнули высокие кирпичные стены и мачты кораблей. Мы прибыли.

Фредерик подхватил меня на руки, я уже немного стала привыкать к его рукам и его близости, стараясь не смущаться, а даже успокаиваясь его запахом.

Моя коляска была уже здесь, по-видимому, ее доставили отдельно. Это было очень приятно. Стоило Фредерику выйти со мной на руках, как ожидавший рабочий подкатил ее к нам, и мужчина аккуратно усадил меня в нее. И сам покатил вперед, не позволяя управлять самой.

Отец не занимался тканями, как Демси, но его транспортная компания сотрудничала со многими предприятиями в городе и за его пределами.

Он не ограничивался одной лишь логистикой. Его деловая хватка простиралась гораздо дальше. Помимо транспортно-портной компании, которая занималась доставкой грузов по всему побережью и даже имела несколько собственных торговых судов, он владел долей в судостроительной верфи. Именно там спускали на воду самые быстроходные клиперы, бороздившие моря, и шхуны, которые выходили в море за самым ценным уловом.

Но главной его страстью, о которой мало кто знал, было искусственное разведение жемчуга. На укромном участке побережья, в тихой лагуне с особой водой, он создал первую в регионе жемчужную ферму — «Слёзы Русалки». Там в специальных садках выращивали устриц, а опытные ныряльщики следили за процессом образования жемчужин. Это была не просто коммерция, это было искусство. Отец поначалу лично отбирал каждую жемчужину для лучших ювелиров столицы. Туда я с удовольствием ездила с ним, если он предлагал. Помню, как мы вместе рассматривали только что добытые сокровища — переливающиеся совершенные шарики, рождённые морем и терпением.

И только сейчас до меня стало доходить осознание, что мне принадлежит не только дом и средства, накопленные им, но и его фирма — его детище, которое процветало и которое в одночасье лишилось крепкого хозяина. Наверняка его рабочие переживают о своем будущем.

Эти месяцы я была занята только собой и своим горем.

Меня не интересовали посторонние люди и их судьба. Какая же я эгоистка!

— Добро пожаловать в мои владения, — произнёс Фредерик надо мной, в его голосе прозвучала гордость. — Что с вами? — он посмотрел на меня. — Вам нехорошо? — заметил перемены в моем настроении.

— Нет-нет, — поспешила его успокоить. — Все хорошо. Просто я хотела бы с вами поговорить об отцовских делах. Кто сейчас всем занимается?

— Его заместители, — ответил Фредерик, и в его голосе прозвучала лёгкая, едва уловимая усталость. — Старый шкипер Марин управляет флотом. Бухгалтерию ведёт мистер Хиггинс. Но... — он сделал паузу, внимательно глядя на меня, — без хозяина всё постепенно приходит в упадок. Решения принимаются с опозданием, конкуренты перемачивают клиентов. Ваша мачеха, — он произнёс эти слова с лёгким презрением, — не интересуется делами. Её волнуют только текущие доходы.

Я почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Я так погрузилась в собственное горе, что даже не задумалась о судьбе людей, зависящих от нашего дела.

— Но ведь теперь вы... — начала я, и в моем голосе прозвучала надежда, которую боялась облекать в слова.

— Вы боитесь, что я злоупотреблю доверием? — спросил он прямо.

— Наоборот. Я хотела бы, чтобы вы занялись этим. Отец

был бы рад.

— В таком случае я намерен вовлечь и вас в этот процесс, Александра.

Удивлённо посмотрела на него.

— Вовлечь... меня?

— Вы наследница. Вы должны понимать, чем будете управлять. Ваш отец построил это. Моя задача — уберечь построенное. А ваша — перенять эстафету. Если не самой, то найти достойного управляющего.

— Я... я не знаю, смогу ли, — честно призналась ему в своей неуверенности.

— Можете, — он ответил просто как констатацию факта. — Потому что другого выхода у вас нет. А теперь, — он снова тронул коляску с места, — давайте займёмся тем, для чего сюда пожаловали. Тканями.

Фредерик завез меня вглубь склада. На нас косились. Рабочие в грубых фартуках, приказчики с учётными книгами, даже матросы, грузившие тюки, — все разглядывали спутницу хозяина с нескрываемым любопытством. Кто-то смотрел украдкой, кто-то — прямо, не скрываясь. Давно я не чувствовала на себе столько внимания, и по спине снова побежали мурашки от смущения. Но стоило моему взгляду упасть на бесконечные ряды тканей, как всё остальное перестало существовать.

В окружении бесконечных стеллажей, заставленных рулонами самых невероятных тканей, я забыла обо всем на све-

те — о своей коляске, о посторонних взглядах, о тягостных мыслях.

Всегда мечтала побывать на знаменитом приморском рынке, о котором ходили легенды. Говорили, он значительно больше и богаче нашего столичного и туда свозят ткани со всех уголков света. Было все — от нежных индийских шифонов до грубых скандинавских льнов. Боюсь, если бы мне удалось туда попасть, несколько дней меня бы и правда не нашли, затерявшуюся в этих «сокровищах», как в лабиринте.

Я была там лишь раз. Три года назад, проездом с отцом. Но даже тогда он поразил меня своим размахом. А в газетах недавно писали о его грандиозном расширении. Хотелось воочию увидеть эти изменения.

Нас у входа встретила рослая женщина в безупречно-белом рабочем халате с мерной лентой через плечо и журналом в руке.

— Мистер Демси, добрый день, — её голос, низкий и уверенный, легко перекрывал гул склада. — Не ожидали вас сегодня увидеть. Что-то случилось?

— Здравствуйте, Клара. Всё в порядке, — ответил Фредерик, и в его тоне я уловила лёгкое уважение к этой женщине. — Моя супруга изъявила желание лично выбрать некоторые ткани. Познакомьтесь, это Клара Брунген — начальник всего текстильного направления. А это моя жена, Александра Демси.

Было до сих пор непривычно слышать свою новую фамилию и роль в таком контексте. Но я собралась с духом, не стала отводить взгляд и протянула женщине руку для знакомства. Клара мельком окинула мою коляску, явно пребывая в легком шоке от новостей. Наверняка никто не знал, что хозяин женился, так еще на девушке-калеке. Сегодня сотрудникам будет о чем поговорить.

— Рада знакомству, миссис. Что желаете посмотреть? — голос Клары был низким и приятным. — Что-то конкретное?

Фредерик, прежде чем мне ответить, провел краткую, но ёмкую экскурсию, и его голос зазвучал с новой, незнакомой мне деловой гордостью:

— Всё, что вы видите вокруг, — продукция наших собственных мануфактур. Справа — шерсть и камвор с фабрики «Северный ветер». Слева — шелка и бархат с комбината «Золотая нить» в предместьях. А это, — он указал на отдельный стеллаж с застекленными полками, где ткани переливались особенным глубоким блеском, — наша гордость. Эксклюзивные коллекции. Ручная работа лучших мастеров.

Услышав про ручную работу, захотелось прямиком направиться именно к ним. Такие материалы действительно в разы превышают по качеству станки.

В этот момент к нему подошел молодой клерк с озабоченным лицом и что-то тихо прошептал на ухо. Фредерик нахмурился.

— Мне нужно отлучиться на полчаса. Клара, пожалуйста,

покажите миссис Демси всё, что она пожелает. Александра, вы не против?

— Конечно нет, — кивнула, спокойно отпуская Фредерика по делам. — Уверена, мы с Кларой прекрасно справимся.

— Для начала я бы хотела выбрать что-то для моей... падчерицы Виктории. Ей нужна ткань для платья. Синяя. Очень... особенная.

Лицо Клары озарилось понимающей улыбкой.

— Для юной мисс? Позвольте предложить... — она подвезла меня к одному из тех самых застекленных стеллажей и ловко сняла рулон с верхней полки. — Шёлк-сатин с вплетением настоящего перламутра. Краситель получают из раковин средиземноморских моллюсков. Отсюда этот уникальный глубокий цвет.

Она развернула ткань, и я замерла. Это было именно то — насыщенный синий, словно вода в глубине океана, с мерцающим и переливающимся эффектом, который менялся при каждом движении.

— Идеально, — прошептала я, касаясь прохладной переливающейся поверхности. — Она будет в восторге.

Пока Клара отмеряла нужное количество, аккуратно отрезая идеально ровный край, мой взгляд самопроизвольно упал на соседний стеллаж. Там лежал рулон ослепительно белого атласа, а рядом — невесомое кружево с причудливым растительным узором.

— А это? — не удержалась я.

Клара посмотрела в указанном направлении, и её глаза загорелись особым блеском.

— Это для свадебных платьев. Атлас «Лебединая песнь». Плотный, матовый, но с глубинным свечением. И кружево «Снежная вуаль». Оно плетётся на старинных станках, технология хранится в строжайшем секрете.

Сердце ёкнуло. Я еще не решила, буду ли самостоятельно шить себе свадебное платье. Этот брак не был настоящим. Но... что, если? Что, если сшить его просто для себя? Как символ новой жизни, в котором я буду чувствовать себя сильной, даже сидя в этой коляске.

— Я... я возьму и это, — сказала твёрже, чем планировала. — Столько, сколько нужно для платья. И кружева на отделку.

Клара кивнула без малейшей тени удивления или неуместного любопытства, лишь с профессиональным одобрением и легкой долей энтузиазма.

— Прекрасный выбор, миссис Демси. С этим атласом приятно работать. Он послушный, хорошо держит форму. Из него получится великолепное платье.

Пока мы двигались дальше, я заметила ещё несколько интересных тканей для повседневных платьев. Прочный, но приятный на ощупь хлопок с набивным рисунком. Лён цвета морской волны. Тонкую шерсть для костюмов. Очень нужно было занять руки делом, чтобы не сойти с ума от вынужденного бездействия и тягостных мыслей.

Мне было безумно интересно абсолютно всё. Я засыпала Клару вопросами, перемещаясь с ней по огромному складу, как по волшебной стране.

Я расспрашивала, как добиваются стойкости цвета, как достигается фактура: за счёт особого переплетения или специальной обработки? Сколько в среднем уходит времени на создание одного ручного рулона?

Клара отвечала охотно и подробно, видно было, что она горит своим делом и любит его всей душой.

— А аксессуары вы тоже сами производите? — поинтересовалась я, разглядывая коробки с изумительными пуговицами из перламутра и дерева.

— К сожалению, нет. Это пока не наше направление, — покачала головой Клара. — Мы покупаем у проверенных поставщиков. Хотя... — она немного замялась, — я слышала, что вашему мужу как раз предлагали несколько лет назад масштабный проект — открыть собственную сеть ателье и мастерских по пошиву готовой одежды и аксессуаров по всему побережью, используя наши ткани. Говорили, дело очень перспективное и выгодное. Но что-то пошло не так на стадии обсуждения, и мистер Демси больше не возвращался к этой идее.

Сразу захотелось расспросить Фредерика подробнее об этом. Почему он отказался? Ведь должно быть очень выгодное дело, если вместо чужих закупок использовать материалы собственного производства. Или мне, дилетантке, неиз-

вестны какие-то подводные камни и нюансы в таких делах?!

ГЛАВА 12

Александра

— Было невероятно приятно с вами познакомиться и пообщаться, Клара. Спасибо, — тепло поблагодарила женщину, чувствуя неожиданную лёгкость на душе. Действительно, наша беседа воодушевила меня, напомнила о любимом деле и отвлекла от мрачных мыслей.

— Взаимно, миссис Демси, — ответила Клара, и в её глазах я увидела искреннее участие.

— Пожалуйста, зовите меня просто Александрой.

— Ох, как-то неудобно, — смутилась она, потирая руки о свой рабочий халат. — Всё-таки вы супруга хозяина...

— Супруга — не титул и не вещь, чтобы за неё решали, как обращаться, — мягко ответила ей. — Но если вам так комфортнее, то мы можем сохранить это между нами. Ему об этом знать не обязательно, — я улыбнулась ей, и на её лице появилась ответная улыбка.

— Что мне знать необязательно? — стоило упомянуть Фредерика, как он сам появился на складе.

— О женских секретах, — легко ответила я, встречая его пронзительный взгляд.

Он не стал ничего больше выпрашивать. Мы распрощались с Кларой и отправились домой.

— Вы как-то быстро нашли общий язык с Кларой, — за-

метил он, когда мы уже отъезжали от склада, и его голос звучал с лёгким удивлением.

— Весьма приятная женщина.

— Многие считают ее строгой и необщительной.

— Она искренне любит своё дело. Видимо, когда дело касается ее работы, она меняется. Мы говорили о тканях и технологиях.

— Вы и сами будто расцвели, — произнёс он неожиданно, и я почувствовала, как краснею. — Улыбаетесь. Впервые за всю эту неделю.

Я и впрямь прекрасно себя чувствовала. Как замечательно, что я согласилась поехать сюда.

— Когда доставят материалы? — поинтересовалась, стараясь скрыть смущение.

— Не терпится заняться делом? — в его голосе прозвучала лёгкая, почти незаметная усмешка, но без насмешки. Скорее с одобрением.

— Да, — не стала лукавить я. Мне хотелось поскорее засесть за рукоделие, погрузиться в знакомый и любимый мир тканей и ниток. Возможно, даже пригласить Викторию, попытаться отвлечь её от грустных мыслей, найти хоть какой-то мостик между нами. И надо бы приобрести ей куклу. Я в детстве очень любила шить им наряды.

— Можем мы заехать в магазин игрушек на Почтовой улице? — все же осмелилась попросить Фредерика. У миссис Тойсен самые изумительные игрушки в городе, а кукол

она и вовсе делает собственными руками, из папье-маше, а после расписывает. Настоящие шедевры, для ребенка неподдельное счастье обзавестись таким «другом». Мои три куклы так и остались в отчем доме. Так бы я бы с удовольствием подарила девочке свою Дудси — темноволосую красавицу, которая так же дует губки, как Виктория, когда обижается.

Фредерик поднял бровь, явно удивлённый.

— Магазин игрушек? — переспросил он, будто не уверен, что расслышал правильно.

— Я хотела бы приобрести куклу для Виктории.

Мужчина тут же нахмурился. Как я и думала, ему не понравилось, что я вновь захожу на запретную «территорию».

— Я хотела бы немного скрасить ее утреннюю досаду от новости о нашем браке. Не хочу выглядеть в ее глазах врагом, — призналась в своих страхах мужчине.

— Не думаю, что это хорошая...

— Пожалуйста. Это всего лишь кукла.

— Она их не любит.

— Просто у нее не было куклы от миссис Тойсен. Уверена, что одна из ее работ поднимет Виктории настроение.

Он некоторое время думал, напряженно смотря в окно, принимая решение. Пусть и нехотя, но все же Фредерик согласился, и мы свернули по названному мной адресу.

Я очень волновалась, что магазин может оказаться закрыт, ведь уже довольно поздно. Но, к счастью, когда мы подъехали, в витрине ещё горел тёплый уютный свет.

За стеклом виднелся волшебный мир — полки, уставленные изящными фарфоровыми куклами в кружевных платьях, деревянными лошадками, миниатюрными домиками...

Запоздало вспомнила, что коляска едет отдельно от нас и Фредерику придется меня нести, но отступить было поздно, раз мы уже здесь.

Мужчина подхватил меня на руки, занося в магазин.

Колокольчик над дверью мелодично звякнул, возвещая о нашем приходе.

Нас встретила сама хозяйка, миссис Тойсен, женщина лет шестидесяти с добрыми глазами и седыми волосами, убранными в аккуратный пучок.

— Добрый вечер, — поздоровалась она. — Вы вовремя. Мы уже собирались закрываться.

— Добрый. Простите, что поздно, — извинилась, чувствуя себя неловко из-за нашего внезапного визита.

— Ничего страшного, дорогая. Мы всегда рады посетителям в любое время, — она улыбнулась, и её глаза лучисто сморщились. — Чем могу помочь?

— Мы бы хотели приобрести куклу, если можно, — сказала я, оглядываясь вокруг с восторгом, который не могла скрыть.

— Отчего же нельзя? — улыбнулась женщина. — Прошу, — она кивнула на шкаф, заставленный игрушками, — выберите любую, кроме вот этих двух, — указала на две куклы на самом краю. — Их уже приобрели.

Я попросила Фредерика посадить меня на стул, стоявший поблизости, и я принялась разглядывать.

Все они были прекрасны: с фарфоровыми личиками, румяными щёчками и нарядами, достойными настоящих принцесс. Глаза разбегались.

— Может быть, вот эту? — неожиданно раздался голос Фредерика прямо у меня за спиной.

Я вздрогнула и обернулась. Он стоял рядом и держал в руках куклу со светлыми волосами и большими голубыми глазами, одетую в яркое желтое платье.

— Похожа на вас, — произнёс он, и в углу его рта дрогнула лёгкая, почти невидимая усмешка. Он протянул её мне.

— И правда похожа! — подхватила миссис Тойсен, подходя ближе. — Такие же пронзительные голубые глаза, как у вашей спутницы. И волосы... ну, почти, — добавила она вежливо.

Она и вправду была удивительно похожа на меня. Возникла лёгкая неловкость. Правильно ли брать куклу, похожую на себя, для девочки, которая меня, мягко говоря, недолюбливает? Но с другой стороны... быть может, если игрушка ей приглянется, то и я не буду вызывать у неё таких негативных эмоций?

— Мы возьмем ее, — согласилась.

Хозяйка упаковала куклу в нарядную коробку, перевязав ее широкой шелковой лентой. Я улыбалась, будто этот подарок предназначался мне самой. Я была невероятно довольна

и полна надежд, когда Фредерик снова взял меня на руки, чтобы вынести из магазина.

— Можно вопрос? — осмелела после его участия и доброжелательности, когда наш экипаж вновь тронулся.

— Спрашивайте.

— Клара обмолвилась, что вы хотели открыть ателье. Почему передумали?

Лицо Фредерика мгновенно изменилось. Вся его расслабленность исчезла, сменившись напряжённой, почти грозной маской.

— У кого-то оказался слишком длинный язык, — неожиданно резко ответил мужчина, хотя всего мгновением ранее сам был не против вопросов.

Если об игрушке он говорил просто устало, то тут этот вопрос явно не пришёлся ему по вкусу. Я не поняла причины такой смены поведения.

— Простите, — прикусила губу, — можете не отвечать, — поспешила завершить разговор, отворачиваясь к окну, крепче сжимая подарок для Виктории.

Настроение упало. В голову тут же полезли дурные мысли: а вдруг это как-то связано с его умершей женой? Может, это была её идея? Или они вместе планировали этот бизнес? Я, сама того не желая, затронула болезную, запретную тему. Мне стало нестерпимо неловко и стыдно перед ним. Я не хотела тревожить его раны, не думала, что мой, казалось бы, невинный деловой вопрос вызовет такую бурную и негатив-

ную реакцию.

ГЛАВА 13

Александра

Приподнятое настроение от посещения склада и удачной покупки полностью улетучилось, оставив после себя лишь горьковатый осадок. Неловко получилось. Глупо. Но кто мог подумать, что мой, казалось бы, невинный деловой вопрос обернется холодной стеной и такой тягостной ситуацией?

Я старалась не показывать вида, что расстроилась, держалась прямо и смотрела в окно, но внутри всё сжималось от досады. Ведь, по правде говоря, ничего ужасно плохого не случилось. Мне почти ничего не известно о жизни Фредерика до нашего союза. Лишь обрывки фраз, оброненные отцом, да редкие визиты в наш дом. Конечно, подобные казусы неизбежны. Пора, наконец, повзрослеть и перестать принимать каждую холодность или резкость так близко к сердцу.

Да, было обидно, но не плакать же из-за этого. Хотя поначалу в носу предательски засвербело и глаза наполнились влагой, я сумела себя остановить, сглотнув комок в горле. Вспомнились куда более веские и горькие причины для слёз, и эта мелкая неприятность сразу померкла.

— Благодарю за поездку, — сказала усталому мужчине, когда мы вернулись домой.

Он лишь коротко кивнул, уже разворачиваясь, чтобы направиться в свой кабинет.

— Понимаю, что, наверное, изрядно замучила вас сегодня своими просьбами и вопросами, — обронила ему вдогонку, не в силах удержаться.

Фредерик остановился и медленно обернулся. Его лицо было невозмутимым, но в глазах читалась усталость.

— Слушаю, — произнёс он нейтрально.

— Последний на сегодня, если позволите, — сделала небольшую паузу, собираясь с духом: — Среди привезённых вещей из дома... я не обнаружила свой сундучок с инструментами для рукоделия. Небольшой, из тёмного дуба, с медными уголками и замком.

Мне отчаянно хотелось поскорее заняться любимым делом, погрузиться в привычный и спасительный мир шитья.

А мой «волшебный» сундучок с его идеально подобранными ножницами, напёрстками, коллекцией иголок и катушек редких ниток был бы сейчас как нельзя кстати.

— Ваша мачеха не была особо любезна, когда мои люди приехали забирать ваши вещи.

— Понятно, — выдохнула печально. Конечно, она не упустила возможности сделать мне пакость даже в мелочах.

— Он так важен для вас? — спросил Фредерик. — Если нужно, завтра же могу распорядиться заказать всё новое.

Я покачала головой, сжимая пальцы на подлокотниках коляски.

— Благодарю, но... это не то.

В том сундуке были особые вещи. Ножницы с изящны-

ми аистами на ручках, которыми пользовалась ещё моя мать. Серебряный напёрсток, подаренный отцом. Ленты и обрезки дорогих сердцу тканей из моих старых, давно перешитых платьев — каждая деталь со своей историей, своим запахом, своим воспоминанием. Это была не просто шкатулка с инструментами. Это была моя маленькая история, мой островок прошлого.

Я не смотрела на Фредерика, боясь увидеть в его глазах непонимание или, что хуже, насмешку. Для кого-то это могло показаться глупой сентиментальностью. Но для меня, потерявшей так много за последние месяцы, эти мелочи значили очень много.

— Я завтра отправлю Минерве письмо и попрошу его вернуть, — сказала, пытаясь вложить в голос твёрдость, которую не чувствовала.

— Все же я рекомендую приобрести новый, — похоже, он не верил, что мачеха пойдет мне навстречу.

Но я все же попробую. Должна попробовать.

— Ужинайте, пожалуйста, без меня, — Фредерик оборвал мои мысли. — Мне необходимо завершить некоторые неотложные дела.

Я лишь кивнула, прекрасно понимая, что «дела» — это лишь предлог. Он просто устал на сегодня от моего общества, просьб и моих эмоций, предпочитая уединение.

«Вот так, по всей видимости, и начинается наша "семейная" жизнь», — горько усмехнулась про себя, глядя на его

удаляющуюся спину. Ведь и в самых что ни на есть настоящих браках происходит порой то же самое: отчуждение, непонимание, тихое отступление каждый в свою крепость.

Когда-то я наивно верила, что если брак заключен по любви, то всех этих шипов и стен можно избежать. Теперь же я понимала, что стены растут независимо от чувств — из усталости, обиды, невысказанных слов.

Я отправилась к себе, а через некоторое время ко мне зашла Марта.

— Миссис Демси, всё в порядке? Ужин почти готов, — сказала она, заглядывая в комнату.

— Право, Марта, — улыбнулась этой приятной женщине, которая эти дни так тепло заботилась обо мне, — мы же договорились. Александра. Можете обращаться ко мне, как прежде.

Я знала, что порой слугам известно куда больше, чем они показывают. Но уверена, что она не станет распространяться за пределами имения. Марта тепло относится к этой семье.

— Вы теперь хозяйка, — мягко, но настойчиво поправила она меня. — Завтра хозяин официально представит вас остальной прислуге.

Я удивилась, ведь он мне ничего не говорил об этом.

— Хотя, честно говоря, все уже и так в курсе, — она понизила голос, и в её глазах блеснула весёлая искорка. — Новости в таком доме разносятся быстрее ветра. Я весьма рада, что в доме появится женская рука. И доброе сердце.

Её слова согрели меня изнутри.

— Спасибо, Марта. Скажите, как там Виктория? Она очень тяжело восприняла эту новость.

Лицо женщины помрачнело.

— Маленькая хозяйка весь день не выходила из своей комнаты. Отказывается от еды. Не пускает даже меня. Бастует, бедняжка.

Она помолчала мгновение, но все же не выдержала:

— Не принимайте близко к сердцу, — добавила она, видя моё расстроенное лицо. — Это не из-за вас лично. Она просто... ребёнок.

— Марта, а... какой была её мама? — рискнула я спросить, сжимая руки в замок.

Женщина на мгновение замялась, подбирая слова.

— Прежняя миссис Демси... была женщиной весьма... холодной. Не мне судить, конечно, но слава богу, что девочка характером вся в отца.

Я была ошарашена. Я ожидала услышать о прекрасной любящей женщине, а не такую ее характеристику.

— Иногда мне даже казалось, — продолжала Марта ещё тише, — что её гораздо больше интересовали дела поместья и светские приёмы, чем собственная дочь. Часто уезжала, подолгу не бывала дома...

Я ровным счётом ничего не понимала.

— Но мне казалось... — я тщетно пыталась найти нужные слова, — что мистер Демси очень... переживает её утрату.

— Их все устраивало в этом браке, — уклончиво ответила Марта. — А Виктория, конечно, привязана к матери, какой бы она ни была. Для неё она единственная мама. А вы... вы пока чужая. Простите за прямоту.

— Не за что просить прощения, — прошептала я. — Спасибо, что сказали.

После ужина я решила непременно заглянуть к девочке и вручить ей приобретенный подарок, не откладывая до завтра.

Быстро перекусив в одиночестве у камина в своей комнате, я накинула на плечи мягкий бархатный халат и, крепко сжимая в руке тарелочку с кусочком яблочного пирога, который испекла Марта, и с коробкой с куклой на коленях направилась к комнате Виктории. Сердце колотилось от смеси страха и надежды.

Тихонько постучав, я заглянула в щель между дверью и косяком.

— Уходите, я же сказала, что не буду ужинать! И не надо меня беспокоить! — раздался сердитый детский голосок. Я невольно улыбнулась, интонация и властность были точной копией её отца.

Окинула взглядом помещение: светлые стены в пастельных тонах, аккуратная кровать с тёмным деревянным изголовьем, письменный стол, заваленный не игрушками, а книгами и географическими картами, и большой шкаф, заполненный до отказа книгами в одинаковых тёмных переплётках.

Комната была строгой, почти аскетичной, без намёка на детские шалости или беззаботность. Будто комната маленького солдата, а не девочки.

Я нахмурилась. Она ведь ребёнок, а её личное пространство говорило об ином. Почему Фредерик это поощряет?!

— Я не разрешала вам входить, — насупилась она, выглядывая из-под горы одеял, куда, видимо, зарылась с головой.

— Я и не вошла, — указала на коляску, стараясь говорить легко. — Я въехала. Это совсем другое дело.

— И въезжать не разрешала, — буркнула девочка в ответ, но уже без прежней ярости, скорее из принципа.

Какими бы колючими и недружелюбными мы ни казались, всем нам необходимы общение, понимание и простая человеческая забота. Я вспомнила, как отец рассказывал об одном своём знакомом, который подобрал на охоте раненого волчонка. Тот несколько дней только и делал, что рычал, бился в клетке и пытался напасть на своего спасителя, даже будучи смертельно ослабленным. Но постепенно, день за днём, понимая, что ему не желают зла, что его кормят, лечат и говорят с ним ласково, он обвыкся. А со временем стал самым верным и любящим питомцем, встречающим хозяина после любой разлуки безудержной радостью.

Конечно, Виктория — девочка, а не дикий зверёк, и сравнивать их не совсем корректно. Но суть оставалась неизменной: любому живому существу, чтобы расцвести, нужны тепло и любовь.

Сердце сжалось от щемящей боли. Я сама после трагедии закрылась в себе, как в раковине, отгородилась от всех стеной из страха и обиды. Но она всего лишь малышка. Она не должна в таком нежном возрасте чувствовать подобную горечь и одиночество. Она ещё успеет набить себе шишек и тысячу раз разочароваться в людях, когда вырастет. Сейчас же её мир должен быть наполнен светом.

— Не сердись на меня, пожалуйста, — сказала я тихо, подкатывая ближе. — Я привезла тебе подарок из города. Небольшой.

— Вы меня не подкупите, — она отвернулась к стене, демонстративно показывая спину. — Уходите! Уезжайте то есть!

Но, вместо того чтобы развернуться и уехать, я остановилась рядом с её кроватью. Мой взгляд упал на книгу, лежавшую на прикроватном столике. Книгу со знакомой обложкой.

— У мисс Лукерьи... помнишь? У главной героини... Так вот, у нее была своя коллекция бабочек, — заметила я, указывая на «Приключения Принцессы-невидимки». Я сама зачитывалась ею в детстве.

— Не было, — тут же парировала Виктория, не оборачиваясь, но её голос выдал интерес. — У неё была коллекция засушенных цветов. Там даже рисунки есть в главе седьмой.

Я улыбнулась. Она не только слушала, но и запоминала детали.

— Ты умеешь читать? — спросила с искренним удивлением.

— Ещё нет. Но я обязательно научусь, — в её голосе прозвучала твёрдая решимость. Она бросила короткий быстрый взгляд на нарядную коробку в моих руках, но тут же отвела глаза, делая вид, что ей абсолютно всё равно.

— Конечно, научишься, — поддержала я её, — ты умная девочка. А насчёт коллекции... она у неё всё-таки была. Просто невидимая. Как и она сама.

Виктория медленно перевернулась и прищурилась, изучающе глядя на меня, взвешивая, можно ли мне верить.

— Я после прочтения этой книги тоже решила, что буду коллекционировать бабочек, — продолжила я.

— И получилось? — не удержалась она от вопроса.

— Нет, — покачала я головой. — Мне стало их жаль. Они живут так мало... в среднем пару недель, а некоторые виды — всего один день. Всего один день, чтобы увидеть солнце, почувствовать ветер, узнать, что такое полёт... И я подумала, что будет неправильно отнимать у них и этот миг. Поэтому я решила, что буду собирать кукол. Они ведь от этого не страдают, а только хорошеют.

— Почему? — на этот раз вопрос прозвучал без вызова, с чистым детским любопытством.

— Однажды я сшила одной своей кукле новое платьице... и не смогла остановиться. Шитье увлекло меня с головой. Так что у моих четырёх кукол в итоге было больше нарядов,

чем у меня самой, — я рассмеялась, вспоминая те залежи крошечных платьев, корсетов и шляпок, что копились в моей мастерской.

Виктория фыркнула, как маленький ёжик, но в её глазах уже не было прежней враждебности. Она слушала. А это было уже много.

— У меня тоже умерла мама, когда я была немногим старше тебя, — сказала я очень тихо, решив воспользоваться этой тонкой хрупкой ниточкой доверия. Я знала, что она чувствует сейчас. Это гнетущее чувство потери, несправедливости и страшной пустоты внутри.

— Врёте, — выдохнула она, но уже без уверенности, не отрывая от меня взгляда.

— Нет, — покачала я головой. — Разве можно лгать о таком? Вот, смотри... — я осторожно достала из-под халата свой самый ценный талисман — небольшой кулон на серебряной цепочке. В нём была миниатюрная фотокарточка белокурой женщины с добрыми лучистыми глазами, — моя мама. Цвет волос и глаза у меня ее. Правда, фотография не передаёт их настоящего цвета... они были как незабудки.

Виктория молча смотрела на кулон, ее собственные глаза стали шире.

— У тебя есть какая-нибудь вещь, которая принадлежала твоей маме? — спросила ее. — Когда мне очень плохо или одиноко, я сжимаю этот кулон в ладони и представляю ее... и мне становится чуточку легче. Он как частичка ее. Мне

всегда помогает.

— Папа отдал мне несколько ее украшений. Они лежат в шкатулке, — тихо призналась она.

— Выбери себе то, которое тебе больше всего понравится. Пусть оно станет твоим личным оберегом. Твоей частичкой мамы.

Я сделала паузу, давая ей переварить сказанное.

— И... прости меня, пожалуйста, если я чем-то невольно обидела тебя. Я просто хочу попробовать подружиться. И я не собираюсь заменять тебе мать. Ее никто и никогда не заменит. Это невозможно.

Виктория смотрела на меня исподлобья, и я видела, как в ее глазах борются недоверие и жажда этого утешения.

— Твой папа... он всегда будет любить тебя сильнее всех на свете. Дочь — это самое важное, самое драгоценное, что может быть у человека, — голос мой дрогнул, и предательская слеза скатилась по щеке. Я даже не пыталась ее смахнуть.

— Почему ты плачешь? — спросила Виктория, и в ее голосе впервые прозвучала не злость, а растерянность.

— Я вспомнила своего. Ты же помнишь мистера Рудса? Он был другом твоего отца. Часто бывал здесь.

— Да... — кивнула она, — папа очень расстроился, когда его не стало. Он несколько дней почти не разговаривал.

— Я по нему очень-очень скучаю, — призналась, и это была чистейшая правда.

Наступило молчание, нарушаемое лишь потрескиванием поленьев в камине за стеной.

— Ты его единственная кровь. Его единственное продолжение. И это навсегда, — протянула девочке подарок.

— Ты... ты родишь ему сына, — неожиданно сказала Виктория, глядя куда-то в сторону, не спеша его принимать. — Все мужчины хотят наследника, — с этим было глупо спорить.

— Это вряд ли... я не смогу никого родить, посмотри на меня...

ГЛАВА 14

Александра

— Ты красивая, прямо как эта кукла, — все же разглядела мой подарок.

— Красота не самое важное для девушки.

Красота оказалась хрупким и предательским даром, который не спас от одиночества.

— Папа же выбрал тебя, — не отступала девочка, и в ее детской логике это было неоспоримым доказательством моей ценности.

Ее фраза вонзилась в самое сердце. Мне захотелось признаться Виктории во всем, выложить эту жгучую правду о нашем браке-договоре, о жалости, о моем клейме «неполноценности». Слишком уж откровенным и доверительным выходил наш разговор. Между нами зарождалось хрупкое доверие, не хотелось ей врать. Но я заставила себя молчать.

Достаточно правды на сегодня.

Ком подступил к горлу, что не проглотить. Подняв на поверхность свои самые потаенные страхи, я едва не обнажила душу перед этим ребенком. Я ведь и правда, скорее всего, не смогу родить. Никому не нужна жена-калека, бесплодная ветвь, обуза.

Кто влюбится в такую, когда кругом полно пышущих здоровьем, сияющих девушек, во много раз красивее и целее

меня? Да и любовь... Слишком много боли она приносит порой. Я боялась снова разочароваться в людях, в их обещаниях. Лучше уж быть одной.

Мечтала открыть свое маленькое ателье и заниматься лишь любимым делом, радуя окружающих своими нарядами, вкладывая душу в ткань и фасоны, раз уж не могу вложить ее в семью.

«Он пожалел дочь своего друга», — эта горькая фраза чуть не сорвалась с моих уст, но я удержала ее, лишь застыв в напряженной улыбке, еще раз протягивая куклу Виктории.

— Хотя бы посмотри. Не понравится — выкинешь, — я точно знала, что на такую изящную красоту вряд ли поднимется рука даже у самой капризной барышни, поэтому мои слова можно было считать небольшой хитростью.

Виктория наконец приняла коробку, развязывая бант. Медленно, будто опасаясь, что подарок заберут или содержимое может быть опасным.

Она аккуратно достала игрушку, рассматривая ее при тусклом свете ночника. Пальчик осторожно провел по светлым шелковистым волосам куклы.

— Надо дать ей имя, — предложила я девочке.

— Ничего не приходит в голову, — прошептала она, уже полностью захваченная новой гостьей.

— Есть какое-нибудь любимое?

— Ариана, — тихо проговорила малышка.

— Красивое.

— Так звали мою маму, — добавила Виктория.

Кожа покрылась мурашками, я закусила скулу до боли, позволяя ребенку самому принять решение, не спугнуть этот момент.

— Но оно не подходит...

— Почему? — удивилась я.

Она пожала плечами.

— Мама была другая.

— Может, тогда назовешь ее Лукерьей, как героиню твоей любимой книги? — предложила вариант, отчаянно пытаюсь вернуть разговор в безопасное русло.

Виктория впервые улыбнулась. Не насмешливо и не криво, а по-настоящему, по-детски.

— Хорошо, — легко согласилась она. — Почтаете мне? — неожиданно попросила меня. Я не ожидала такого радужия и стремительного сближения. Я была бы уже крайне довольна, что подарок принят и пришелся по вкусу, и поспешила бы ретироваться.

— Конечно, — не смогла ей отказать. Взяла с прикроватного столика потрепанный томик, укладывая его удобно на коленях.

— Забирайтесь сюда, — она решительно откинула край тяжелого одеяла, приглашая к себе.

Я непроизвольно покосилась на дверь, сердце екнуло от тревоги. Меня охватило странное ощущение, словно я делаю что-то совершенно запрещенное, за что непременно после-

дует суровая кара. Быть пойманной здесь, в постели у дочери, после всех строгих предупреждений Фредерика...

— Я лучше так, — робко отказалась я.

Виктория надула губы, прищуриваясь, ее брови недовольно поползли к переносице.

— Просто неудобно перебираться из коляски, — сослалась я на свою немощь.

— К себе же в постель вы как-то забираетесь, — парировала девочка. — Просто ко мне не хочешь.

У малышки и впрямь было очень переменчивое настроение, и я понимала, что нельзя постоянно идти у нее на поводу, потакая капризам. Но в тот момент я мысленно махнула на это рукой. Пусть воспитанием занимаются гувернантки и суровый отец. Особенно сегодня. Сегодня мне отчаянно хотелось скрасить ее одиночество и свое собственное чувство ненужности, согреться этим наивным детским доверием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.